

Ветер Межмы

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

РЕКВИЕМ ПО ВЕРТУВШИМСЯ

Mystic & Fiction

Mystic & Fiction

Игорь Вереснев

Реквием по вернувшимся

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Вереснев И.

Реквием по вернувшимся / И. Вереснев — ИД «Флюид
ФриФлай», 2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-96-8

Они улетели в Дальний Космос искать новые миры, расширять ареал обитания человечества. И, выполнив полетное задание, вернулись на Землю, к родным и близким. Вот только никто из них не помнил, чем закончилась последняя высадка на далекой планете Горгона. И никто не знал, они ли вернулись домой или кто-то другой. В том числе и они сами...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906827-96-8

© Вереснев И., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Пролог	6
Часть I. Конкистадоры галактики	8
Андрей Лесовской. Земля, пансионат «Сосны», 11-26 июля	8
Елена Коцюба. Солнечная система, 3-й день экспедиции	14
Алексей Буланов. Солнечная система, исходная точка, 3-й день экспедиции	17
Виктор Коновалец. Точка входа, 3-й день экспедиции	21
Степан Маслов. Локальное пространство G00010496, 4-й день экспедиции	23
Иван Круминь. Локальное пространство G00010496, 5-й день экспедиции	27
Вероника Пристинская. Локальное пространство G00010496, 10-й день экспедиции	32
Андрей Лесовской. Земля, пансионат «Сосны», 29 июля	36
Иван Круминь. Горгона, объект «Кольцо», 211-й день экспедиции	40
Виктор Коновалец. Земля, Киев, 28 июля	43
Степан Маслов. Земля, Санкт-Петербург, 28 июля	45
Вероника Пристинская. Земля, Львов, 28 июля	47
Иван Круминь. Горгона, объект «Кольцо», 217-й день экспедиции	49
Елена Коцюба. Земля, пансионат «Сосны», 30 июля	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь Вереснев
Реквием по вернувшимся.
Звездная сага. Книга первая

© Игорь Вереснев, 2019

© ООО ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Пролог

Ступенька лестницы под ногой предательски скрипнула. Вероника замерла на секунду и следующий шаг сделала осторожней – по правилам косморазведки. Тут же попеняла себе: какая-то такая косморазведка?! Зарок же давала: на два месяца все воспоминания о работе – долой! Она в отпуске и через шесть ступенек увидит Мышонка.

Через пять.

Четыре.

Три.

Две.

Одна. Вероника приоткрыла дверь детской:

– Тук-тук!

Комната было пуста.

С четверть минуты Вероника растерянно смотрела на застеленную кровать. Затем сбросила с плеча дорожную сумку, снова вышла на лестницу. В старом доме было тихо. Слишком тихо, потому и показался таким громким скрип ступеньки. А ведь мама обычно рано встает, даже по воскресеньям. Может, ушли куда-нибудь всей семьей? Вероника специально не позволила с космовокзала, не предупредила, что прилетела. Хотела сюрприз сделать. Вот тебе и сюрприз...

Она наморщила лоб, стараясь понять, что происходит. Нет, не могли они уйти: дверь внизу не заперта. Наверное, во дворе, за домом что-то делают, а она так спешила, что и не заглянула туда. Конечно! Папа спит, а мама с Мышонком пошли малину рвать. Пирог, должно быть, ставить собираются, к ее приезду готовятся. Знают, что она обожает пироги с малиной, а в Дальнем Космосе такие звери не водятся.

Мысль о пироге и малине показалась настолько правильной, что Вероника сразу в нее поверила. Опрометью слетела вниз, распахнула дверь...

Крыльцо, бегущая от него дорожка, кованный заборчик с калиткой, улица – ничего этого не было! От ее ног и до самого горизонта тянулась рыжевато-бурая каменная равнина. Выжженная солнцем, знакомая до отвращения.

Она застыла, будто пригвожденная к месту, только плечи передернуло от озноба, от ясного понимания, что самое страшное – не мертвая пустыня перед глазами. Самое страшное – сзади, за спиной. И нет сил, чтобы обернуться и посмотреть. Но и не смотреть невозможно.

Вероника начала медленно поворачивать голову, заставляя двигаться непослушную, ставшую деревянной шею. И, еще не успев оглянуться, не успев увидеть, закричала от ужаса и безысходности.

Дом позади нее тоже исчез. Вспухающая вязкими протуберанцами, алая, словно кровь, стена нависала над головой. Бесконечно высокая, не имеющая ни конца, ни края.

Нет, стена не нависала. Стена наваливалась на нее, медленно и неотвратимо. Накатывала, чтобы проглотить, растворить. Уничтожить.

Вероника вздрогнула, открыла глаза, и кошмар тут же лопнул, разлетелся рыже-алыми брызгами. На смену ему пришли тихий гул двигателя, мягкое кресло, насмешливый взгляд сидящей рядом Коцюбы. На долю секунды вновь стало страшно: где это они?! Но тут же вспомнилось: лунный челнок, они летят на Землю, домой. Уже почти прилетели. Не удержавшись, Вероника схватила подругу за руку, сжала ее пальцы.

Та притворно нахмурилась:

– Ты чего это?

– Я не кричала?

– Нет, только вздрагивала. Кошмар приснился?

– Ага. Горгона. Пустыня и... – Она осеклась, мучительно стараясь вспомнить, чего, собственно, испугалась во сне.

Коцюба, не дождавшись продолжения, снисходительно улыбнулась:

– Ох ты и впечатлительная! Прямо не косморазведчица, а кисейная барышня. Ничего, пару часиков потерпи, а там обнимешь своего Мышонка и забудешь обо всем.

– Ага.

Вероника тоже улыбнулась. Напряжение, сковавшее мышцы, отпустило.

Но неожиданный сон не хотел уходить из памяти. Поэтому, миновав турникет космовокзала, она набрала мамин номер. Черт с ними, с сюрпризами!

Часть I. Конкистадоры галактики

*Я конкистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожусь по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.*

Николай Гумилев

Андрей Лесовской. Земля, пансионат «Сосны», 11-26 июля

Дверь тихо, но вполне выразительно скрипнула. Андрей хмыкнул недоверчиво. Потянул ее назад, медленно, осторожно. Ничего. Опять отворил – опять скрипнула. Надо же, петли скрипят. Настоящая деревянная дверь с настоящими скрипучими петлями. Сто лет не слышал, как скрипят дверные петли. Не сто, конечно, а тридцать, – поправил он себя. Тридцать два для точности, но это не важно, за первые два года жизни поручиться нельзя. Итак, округляем, и получается, что... ни разу в жизни не слышали вы скрипа дверных петель, господин литератор. Упущеньице! И многого вы в жизни не слышали и не видели из того, о чем пишете. Хотя о скрипящих петлях он, кажется, никогда не писал. Скрипят, и пусть скрипят. Они и сто лет назад так скрипели, и двести, и тысячу, и миллион. Нет, миллион это перебор. Миллион лет назад никаких дверей, пожалуй, и не было.

Он засмеялся своей мысли, – беззвучно, чтобы не разбудить дрыхнущую Белку, – шагнул на крыльцо. Крыльцо тоже выглядело как и сто-двести-тысячу лет назад. И их коттедж, срубленный из настоящих бревен. И весь пансионат на берегу маленького лесного озера с невообразимо прозрачной водой. А вот обступившие пансионат с трех сторон сосны с прямыми, рыжевато-смолистыми стволами, с зелеными метелками крон высоко вверху, могли здесь расти и миллион лет назад. Запросто! И невидимые в кронах пичуги таким же радостно-звонким щебетом встречали восходящее солнце в те доисторические времена.

Андрей потянулся, расправляя плечи и набирая полные легкие прохладного, пропитанного хвоей и смолой воздуха. Хорошо! И миллион лет назад здесь было хорошо, и сейчас еще лучше. Вода в озере сверкала расплавленным золотом, так что приходилось щуриться, чтобы взглянуть на нее. Ни всплеска, ни ряби, потому как ни малейшего дуновения ветерка нет. Днем такой штиль обернется духотой невыносимой, но утром – совсем другое дело! Тихое, солнечное, в меру прохладное утро.

Он повертел в голове эпитеты, подбирая подходящий. Спросенок ничего толкового не придумывалось, кроме как избитое «чудесное» и напыщенное «великолепное». Что ж, пусть останется чудесное утро. Чудесным утром чудесно будет окунуться в чудесное озеро.

Он сбежал с крыльца, остановился над невысоким, метра два, песчаным обрывом. Подумал: как Белке не жаль пропускать такое удовольствие? Прямо не Белка, а Сова. Совенок. Ладно, пусть спит, отдыхает от своей косморазведки.

– Йяя! – Он с шумом выдохнул и лихо сиганул на узкую полоску пляжа, а оттуда – в воду.

Вода в озере могла быть и потеплее. Но уж какая есть, ничего с ней не поделаешь. Только и остается самого себя уговаривать, что никакая она не холодная, а бодрящая. Энергично работая руками, чтобы согреться, Андрей поплыл на середину. В общем-то, он был доволен собой. Нет, не так. Он был доволен собой. Или даже так: он был очень доволен собой. Жизнь складывалась лучше не придумаешь. Любимое дело и любимая жена – что еще нужно мужчине? Офи-

циально Белка женой пока не числилась, но это не суть важно, это можно опустить. Поэтому, так и запишем: любимое дело и любимая жена.

Писательством Лесовской занимался восемь лет, а с Леночкой познакомился три года назад. И без первого второе никогда бы не случилось. Не было бы такого небывалого, тройного стечения обстоятельств. Тройного везенья.

Той памятной осенью он, собирая материал для нового романа, добивался разрешения пожить месяц на тренировочной базе косморазведки, изучить антураж, так сказать, изнутри. База, затерянная в приволжских степях, считалась объектом закрытым и, в какой-то мере, секретным, поэтому в Региональное Управление Космофлота он отправился, не питая особых надежд. Но ему повезло (первое везение!): седеющий генерал с озорными искорками в глазах сразу согласился на его просьбу. Литературу генерал уважал, даже один роман Лесовского вспомнил. С такой протекцией Андрей прошел КПП с гордо поднятой головой. Начальник тренировочной базы беллетристику не читал принципиально и, чтобы не морочиться с любознательным литератором, включил его на три недели в экипаж, начавший подготовку к экспедиции. Это было второе везение. А в третий раз ему повезло потому, что это оказался экипаж гиперразведчика «Христофор Колумб». Дальнейшее было predetermined.

Андрей, только что получивший неожиданный статус разведчика-стажера, сидел в пустом кафетерии, неспешно потягивал довольно-таки посредственный кофе и пытался представить, как произойдет знакомство с «космическими волками», прототипами его будущих героев. Он вздрогнул, когда створки двери резко дернулись в стороны и в зал влетела невысокая девушка в голубом тренировочном костюме, с вздернутым носиком, ямочками на щечках и острым беличьим подбородком. Остановилась напротив Андрея, оглядела критично, спросила:

– Это вы, что ли, писатель-стажер? А я – Елена Коцюба, косморазведчик корабля «Христофор Колумб». Буду вашим консультантом.

– Очень приятно. Андрей Лесовской. Но если я стажер, то это не значит, что я писатель-стажер.

– Хм, так вы не писатель? А мне сказали...

– Я писатель, и уже не «стажер»... Тьфу ты... Стажер отдельно, а писатель отдельно.

– Вот как... – Косморазведчица наморщила лоб. – Отдельно, говорите. Вас двое, что ли?

Спрашивала эта девушка-белочка вполне серьезно, но в глазах прыгали хитрые чертены, и Андрей сообразил, что его поддразнивают. А еще – что влюбился в эту озорную зеленоглазую белку. Мгновенно, не сходя с места, влюбился. Это было совершенно невозможно, он никогда не верил в подобные штучки. Но тем не менее это случилось.

События развивались со скоростью межпланетного лайнера. Вскоре они были на «ты», к вечеру Елена стала Леной. А тремя днями позже – Леночкой-Белочкой. И расстояние от первого поцелуя до пьянящих ласк, когда весь мир катится в тартарары, – десять минут. Это был их волшебный, космический медовый месяц. Затем экипаж «Колумба» отправился на орбитальную станцию, где их ожидал корабль, и дальше – к звездам. А Лесовской остался на Земле писать роман. И ждать Белку.

Вторая встреча была спустя восемь месяцев, стандартный срок разведэкспедиции Андрею показался невыносимо долгим. Леночка вышла из лунного челнока и попала прямо в его объятия. Они так азартно начали обниматься и целоваться прямо у турникета, что бортинженер Степа Маслов, проходя мимо, ехидно поинтересовался: «Ребята, вы хоть за угол забежать успеете?» Потом были еще две Белкиных экспедиции и два Андреевых романа. Отношения их оставались все в той же стадии: радостная встреча, отпуск вдвоем, скомканное расставание. Такое вот странное супружество... Официально они брак не оформляли. Кто в наше время оформляет официально? Официально, это когда решают обзавестись ребенком,

когда подают прошение в департамент демографии. О ребенке Елена не заговаривала ни разу, кажется, и не думала об этом. Андрей думал. Но не заговаривал...

Плыть до середины озера оказалось куда дольше, чем посмотреть с крылечка. Вдобавок саженками намахался от дурного азарта, устал. Андрей перевернулся на спину, медленно погреб к берегу. Так получалось гораздо легче, только солнце, зависшее над макушками сосен, светило прямо в глаза. Пришлось зажмуриться. Лес вокруг сразу исчез. И озеро исчезло. Он плыл сквозь мирозданье, одинокий маленький человечек против бесконечного космоса. Интересный образ. Что будет чувствовать человек, потерявшийся в открытом космосе? Рядом нет ни корабля, ни шлюпки, никакой надежды на спасение. Ужас? Да, безусловно. Но ужас слишком сильное чувство, он не может длиться долго. Что будет дальше? Отчаяние? Безразличие? Апатия?

Андрей слишком увлекся своими размышлениями, забыл, что озеро вовсе не бесконечное. Опомился в последнюю секунду, резко перевернулся... в полуметре от грозно торчавших из воды сучьев повалившегося когда-то дерева. Видно, правой рукой гребки получались сильнее, потому и повело в сторону: угодил в барьер, отделяющий их маленький пляжик от широкой песчаной полосы, на которой загорали отдыхающие в пансионате. Впрочем, сейчас там было пусто, если не считать толстенького мужичка, нерешительно пробующего ногой воду.

Мужичок, занятый изучением показаний своего «термометра», оплошности Андрея не заметил. Лесовской аккуратно обогнул дерево, выбрался на берег. Отряхнулся по-собачьи и мысленно сделал себе замечание: ничего ведь не мешало прихватить полотенце, висящее на веревке за коттеджем! Теперь приходилось, во-первых, мерзнуть, так как хоть солнце и поднялось довольно высоко, но утренняя свежесть еще не ушла, и кожа вмиг покрылась пупырышками. А во-вторых, карабкаться на двухметровый обрыв оказалось куда сложнее, чем сигать с него. И когда взобрался, ноги до колен и руки по локоть покрылись слоем песка.

На счастье, рядом с коттеджем предусмотрительно соорудили умывальник, эдакую пластиковую бадёйку с пимпой внизу, на которую следовало нажимать, чтобы выдавить струйку воды. «Добро пожаловать в каменный век!» – воскликнула Белка, увидев вчера, когда они вселялись, это архаичное сооружение. Но сегодня оно оказалось весьма кстати. Помывшись, обтершись и зябко поеживаясь, Андрей шмыгнул в дом.

– А куда мой котик от меня убежал?

Пока он купался, Белка успела проснуться и теперь сидела в кровати, замотавшись одеялом.

– Какой же я «котик»? – возмутился Андрей, всеми силами пытаясь не дать лицу расплыться в радостную улыбку. – Я тигр, огромный и злой!

– Тигр? Настоящий?

– Конечно, настоящий.

– Ну иди сюда, проверим. – И отбросила одеяло завораживающе-грациозным движением.

Любимая женщина и любимая работа, два счастья, дарованные Небесами. Андрей никогда не пытался сравнивать, что для него дороже и что важнее. Глупо же сравнивать! Два этих дара настолько переплелись друг с другом, что казались единым целым. Лесовской писал в жанре космореализма, и Белка была его личным консультантом... Если бы его спросили: слушай что, кого ты выберешь, свою женщину или свои книги? – он бы растерялся. Какому идиоту стукнет в голову идея подобного выбора? Нонсенс!

Так сложилось, что большую часть времени Андрей всецело принадлежал книгам. Логично и справедливо, что два месяца Белкиного отпуска он должен принадлежать всецело ей. Однако не получалось. И дело не в издательском договоре с четко прописанными сроками, не в кислой мине на лице редактора Феди Саблина, хорошего парня, хоть и немного занудного. И уж точно не в авансе, который следует отработать, – отработает, куда он денется! Просто

начинало что-то свербеть внутри. Сначала едва ощутимо, затем сильнее и сильнее. В конце концов руки начинали чесаться почти физически. Казалось, сдохнешь от этой чесотки, если не выплеснешь на чистый лист накопившиеся внутри образы и сцены. Так было и в прошлый раз, и даже в позапрошлый – в их первый совместный отпуск. Тогда зудеть начало через месяц. В этом году Андреяхватило на две недели.

Приступ «графоманской чесотки» скрутил его вечером, после ужина, когда они смотрели что-то там по ти-ви. Андрей давно потерял сюжетную нить глуповатой комедии. Весь прайм-тайм телевизионных каналов заполняли подобные комедии, не менее тупые игры и шоу. Человечество развлекалось, отдыхало от обыденности, вроде бы сытой и благоустроенной, но вместе с тем тревожной, заполненной неуверенностью в завтрашнем дне. Человечество не желало больше подстегивать себя искусственными адреналиновыми инъекциями боевиков и триллеров. Человечество устало от насилия. Наелось этого добра досыта, до отвала.

Получившийся каламбур Андрею понравился. Именно до отвала – как раз этим человечество и готовилось заняться: отвалить со старенькой загаженной матушки-Земли. Захотелось немедленно записать, развить мысль...

Комнату заполнил заразительно веселый хохот – подсказка, что в фильме прозвучала очередная шутка юмора. Белка тоже хихикнула. Андрей же, воровато косясь на жену, спрятал руки за спину и принялся остервенело чесать. Не помогало. Графоманский зуд чесанием не лечится.

– Лен, ты смотри, а я пока попробую поработать, – начал он осторожно.

Белка оторвала взгляд от экрана.

– Бросаешь меня?

– Как же я могу свою Белочку бросить? Я тут рядышком буду.

– Ну вот, опять за работу, значит, я тебе надоела. – Она надула губы, то ли и правда обижаясь, то ли готовясь подразнить Андрея.

– Да я самую малость. Попробую, вдруг писать разучился?

– Знаю я эту «малость». Усядешься, и полночи тебя от клавиатуры не оторвать. А мне что делать прикажешь?

– Отдыхать, смотреть ти-ви, отсыпаться. У тебя же восемь месяцев выходных не было.

– Не преувеличивай. Мы что, в экспедиции круглые сутки только и делаем, что работаем? К тому же за две недели в карантине отоспалась – выше крыши. Вот уж где точно, нечем больше заняться, только спать и ти-ви. А здесь у меня муж есть. Так что не отпущу я тебя работать, и не надейся. Не хочешь со мной фильм смотреть, не нужно. – Она щелкнула пультом, обрывая новую порцию хохота. – Придумывай, чем займемся. Гулять пойдем? К озеру?

Андрей обреченно вздохнул. Вечерний моцион, в отличие от утреннего, он недолюбливал, ибо был тот чреват комариной экзекуцией. Где эти зловредные зудящие твари прятались днем, неизвестно, но стоило солнцу опуститься к горизонту, как они выбирались из укрытий. Внутри домика доступ им был заказан, но на берегу они хозяйничали всюю, никакие репелленты не спасали! Самое странное, Лену комарики не трогали, – «У меня кожа как у слона толстая, зубики поломают!» – зато на Андрее отыгрывались сполна.

– Нет, гулять не хочу, – покачал он головой. – Ты же знаешь, там комары...

– Знаю-знаю, съедят тебя, сладенького, – энергично закивала Белка. Ясно, что не воспринимала она комариную угрозу всерьез. – Всю кровушку высосут, вампиры проклятые.

– Не смешно. Давай лучше... ты мне о Горгоне расскажешь.

– Чего? – осеклась Белка. – В каком смысле?

– В прямом. Расскажи мне об экспедиции на Горгону. Почему вы ее так назвали? Какая она?

– Отчет почитай, если интересно.

– То отчет, а то рассказ очевидца. Совсем разные вещи.

– Ну, если хочешь... – неуверенно пожала плечами Белка, – тогда слушай. Название для планеты придумала Медведева...

– Да? А я слышал, что привилегия давать имена новым планетам принадлежит командиру.

– Во-первых, не перебивай! А во-вторых, ты же знаешь Медведеву: что она сказала, то Круминь и сделает. Она придумала, а командир официально утвердил.

– Странное имя для планеты. Горгона Медуза – это чудовище из древнегреческой мифологии. Тот, кто имел несчастье встретиться с ней взглядом, превращался в камень.

– В мифологиях я не разбираюсь, – хмыкнула Елена. – По мне – название как название, ничем не хуже Карбона там или Сакуры. Никто из нас в камень не превратился, все благополучно вернулись на Землю. А планета сама по себе – так, ничего особенного. Чтобы тебе понятно было: нечто среднее между Землей, Марсом и Венерой.

Понятней Андрею от этого сравнения не стало, но перебивать Белку еще раз он не решился. Сама объяснит все, что посчитает нужным.

– Размерами Горгона не вышла, а уж атмосфера, – и вовсе не чета земной. Давление – шестьдесят килопаскалей на условно нулевой отметке, температура на экваторе за четыреста тридцать по Кельвину зашкаливает. Терморегулировка скафандров еле спасала, хорошо хоть гравитация маленькая – ноль пять земной всего. На полюсах комфортней: триста двадцать – триста тридцать в среднем. Так что там и реки текут, и маленькие моря есть, правда частично пересыхающие. Поверхность планеты – в основном базальтовые плато. Круминь все время затылок чесал. – Лена засмеялась, представив эту сцену. – Как так, говорит, два миллиона лет назад тут кипело все, а сейчас – тишь да гладь? Мы ни одного действующего вулкана не нашли, ни одного активного процесса в земной коре не зарегистрировали. Будто весь рельеф – горы, плато – сформировался сразу, в один присест, к тому же за очень короткое время. Только в полярных областях сохранились древние щиты. И еще одна странность: планетная кора слишком тонкая получается, судя по нашим измерениям. В районе экваториального плато три-четыре километра до границы Мохо¹. Круминь первое время ходил так, будто боялся, что провалится.

О геологии планеты Леночка могла долго распространяться, но Андрей поспешил перейти к чему-нибудь более веселому и понятному:

– А растения там есть?

Белка нахмурилась было недовольно, что ее снова перебили. Но обижаться раздумала, замотала головой.

– Не-а. Никаких следов органики. Даже в морях чего-нибудь примитивного, типа синезеленых водорослей, нет. Стерильная планета. Ника так расстроилась, с таким убитым видом ходила, что Круминь во все три моря высадки делал. До самого дна зонды спускали и сами на шлюпке ныряли. Ну, ее понять можно, – хочется ведь открыть какую-нибудь неизвестную форму жизни. Да просто почувствовать, что полезна! А тут вторая экспедиция – и пусто. Никакой работы для экзобиолога.

– В следующий раз повезет.

– Может, и повезет. – Лена кивнула. Посмотрела на Анд рея: – Что, достаточно я о Горгоне рассказала?

– Это называется «рассказала»? – Он презрительно выпятил губу. – Это так, предва- рительное описание, типа синопсис. Ты расскажи, как вы прилетели, как высаживались, что видели. Свои впечатления, мысли. Настоящий рассказ, это, знаешь ли, не на один день работа.

¹ Граница (поверхность) Мохоровичича (сокращенно Мохо) – нижняя граница земной коры, на которой происходит резкое увеличение скоростей продольных и поперечных сейсмических волн. Плотность вещества также возрастает скачком. Поверхность Мохоровичича прослеживается по всему Земному шару на глубине от 5 до 70 км. (Здесь и далее примеч. автора)

– Ого! Что я тебе, писатель? – Белка подпрыгнула на тахте. – Отчеты о химических анализах я сочинять умею, а книжки – это твоя забота.

Она улыбнулась лукаво.

– Давай лучше, как всегда? Ты напишешь, а я прочитаю и скажу, где у тебя полная лажа, а где – ничего, смахивает на правду.

– Так ты ж меня работать не отпускаешь!

Лена прищурилась, и глазки ее, и так чуть приподнятые к вискам, сделались совсем белыми.

– А, так это шантаж был? Подлое вымогательство?

– Какой шантаж? Ты же сама хочешь, чтоб я все время рядом сидел. Если ты будешь о космосе рассказывать, тогда я наверняка никуда от тебя не отойду.

Лена задумалась. Кивнула нехотя:

– Только смеяться не вздумай! И до конца отпуска комп свой гадский даже не надейся включать! Понятно?

– А вдруг забуду что...

– Это уж твое дело! Серое вещество в черепашке тренировать нужно, чтобы не забывать.

Андрей развел руками:

– Как скажешь.

– Так и скажу. – Белка помедлила. – Что, прямо сейчас начинать? Сию минутку? О-хо-хо, горе мне, горе... Ладно, слушай. Экспедиция начиналась в полном соответствии с полетным заданием...

Елена Коцюба. Солнечная система, 3-й день экспедиции

Экспедиция начиналась в полном соответствии с полетным заданием. «Христофор Колумб», корабль-разведчик класса МГ7, вышел в исходную точку Маневра Перехода. Собственно, никакой определенной «точки» для этого не требовалось. Проколоть 3-брану² можно в любом месте, где ее кривизна больше пороговой. Другое дело, погрешность при определении координат точки выхода была обратно пропорциональна кубу этой самой кривизны. Но и вплотную к Солнцу не подойдешь, – ресурсы бортовой защиты корабля не безграничны. «Точка» определялась разумным балансом между возможностями корабля и способностями навигатора: точность прыжка зависела от его мозгов в такой же мере, как и от электронной начинки навигационного оборудования. Навигатор «Христофора Колумба» считал вполне достаточным расстояние в ноль две астрономические единицы от центра масс локального пространства G00000001, то бишь от Солнца. Потому командир Круминь уже объявил двух часовую готовность начала Маневра.

Елена еще раз обвела взглядом химотсек. Двухчасовая готовность предписывала проверить закрепленные служебное и личное помещения и занять место согласно распорядку. В служебном помещении, закрепленном за космонавтом-разведчиком первого класса, химиком-планетологом Еленой Коцюбой, – корабельной экспресс-лаборатории, – проверять было нечего. Все проверено-перепроверено три дня назад, в орбитальном доке. Место космонавта-разведчика согласно распорядку – в стасис-капсуле, обязанности на время Маневра – спать сладким сном (или не сладким, это уж кому как на роду написано). Так что на ближайшие полтора часа Елена была свободна и собиралась отправиться в «личное помещение», – в каюту под номером пять, вторую от края в левом крыле жилой палубы. И заняться полным, абсолютным бездельем. Этот гиперпереход будет девятнадцатым в ее жизни – обыденность. Конечно, первые два можно не считать, первые два – это еще в академии. Или наоборот, именно их и стоило считать? Потому что их Елена провела осмысленно, в отличие от всех последующих, когда она путешествовала к звездам и обратно чурбачком с заторможенными чуть ли не в ноль процессами жизнедеятельности. Дурных снов в стасис-капсуле ей не снилось ни разу, но все равно Елена не отказалась бы вновь испытать подзабытые за пять лет ощущения гиперперехода, жуткие и сладостные одновременно. Да только навигатором «Колумба», а значит полновластным хозяином на время Маневра, был господин Буланов, и этим все сказывалось. Педант и зануда, Буланов жизнь сверял по уставам и должностным инструкциям. И раз членам экипажа, не занятым Маневром, предписано находиться в стасис-капсулах, – во избежание! – значит, там они и будут находиться.

Елена собиралась выйти из лаборатории, когда дверь за спиной, тихо зашелестев, растворилась. Кого там принесло? Она обернулась, удивленно приподняла брови. Степка? В дверном проеме, радостно лыбясь, стоял бортинженер.

– Тебе чего? – спросила.

– Да вот зашел узнать, помощь не требуется?

Он сделал шаг вперед, позволяя двери захлопнуться. Высокий голубоглазый блондин, Маслов прямо-таки лучился уверенностью в своей неотразимости. Даже едва заметная родинка на мочке его левого уха, казалось, самодовольно пыжилась: «погляди на меня – я тоже самая красивая, самая обаятельная и привлекательная».

Елена в который раз подивилась, насколько разношерстный экипаж у них подобрался. Ничуть не странно, что разбегаются кто куда, как только турникет космовокзала остается за спиной. Наоборот, удивительно, как психологическая служба космофлота на такую «разно-

² 3-брана (от мембрана)–3-мерное пространство как поверхность в пространстве больших размерностей.

шерстность» сквозь пальцы смотрит. Все из-за командира, он на особом счету и у руководства, и у психологов. Непонятно как, но Круминь умудрялся на время экспедиции превращать их в команду, и неплохую команду, в общем-то. Да, команда хорошая, профессиональная, слаженная, но каждый по отдельности...

Навигатор Буланов – человек не то что в футляре, в трех футлярах вместе взятых. Пять лет в одной команде, и за все это время Елена от него десятка слов не слышала, которые бы работы не касались. А жадина, – не приведи господи, над каждым рублем трясется. В общем, пренеприятнейший тип. Но профессионал, этого не отнять.

Степка Маслов – полная противоположность навигатору. Нет, профессионал он хороший, спорить с этим трудно. Но в остальном он тоже «профессионал». О таких говорят: «в каждую задницу без масла влезет». В любой компании этот красавчик мгновенно оказывался в центре внимания. И затмевал ее, Елену Коцюбу, своим... Называть эту черту характера обаянием ей не хотелось, предпочитала употреблять слово «наглость». Елена иногда злилась на бортинженера, но Степка был таким пронырой, что и рассердиться по-настоящему на него не получалось.

Пилот Медведева в чем-то такая же. Тоже умеет ко всем подмазаться, к любому в душу влезет. Только у нее это по-другому выходит, незаметно и ненавязчиво. Всегда в сторонке, всегда исподтишка действует. А иногда такое выдаст, что задумаешься: все ли у пилота с головой в порядке?

Хотя Вероника, к примеру, в нормальности Медведевой не сомневалась, слушала ее сентенции, чуть ли рот не раскрывала. Но Вероника не показатель. Она и сама... нет, подружкой Пристинская была замечательной, но сами посудите: сначала человек заканчивает Академию Космофлота, однако вместо того, чтобы работать по специальности, выскакивает замуж за первого встречного, рождает ребенка. Ладно, любовь-морковь, то-се, каждому свое, как говорится. Но не проходит трех лет, – и все побоку! С мужем разошлась, дочку – бабушке с дедушкой на воспитание, сама – фьють! – в косморазведку. А ведь это ей нафиг не нужно, каждый же видит. Скучать начинает по своему Мышонку, стоит кораблю из орбитального дока выйти. Нормальная, да?

Кто там остался? Витя-кибернетик? Этот вообще ходячее недоразумение. Не человек, а придаток к бортовому компьютеру. Целыми днями сидит у себя в отсеке, шлем нейротранслятора с головы не снимает. В прошлую экспедицию, когда Коновалец у них в экипаже объявился, Елена пробовала с ним пофлиртовать. Не то чтобы он ей понравился, – как может нравиться парень с козлиной бородкой, редкими усиками и лоснящимися волосами до плеч, завязанными в какой-то невнятный хвостик? – скуки ради подразнить захотелось. Тем более что природа наградила ее весьма впечатляющими «дразнилками», на которые мужики ловились, что окуни на блесну. Кибернетик не повелся. Не понял даже, что это безобидный флирт, шарахаться начал, будто Елена нимфоманка натуральная. Как тут не усомниться: а мужчина ли он или мальчик-девственник в свои двадцать девять?

Итак, получалось, что на весь их экипаж единственный нормальный, адекватный человек – она, Елена Коцюба. Ну и командир Круминь. Но Круминь – это разговор особый.

...Маслов по-прежнему торчал у дверей лаборатории, загораживая проход. Елена постаралась ответить, не добавляя язвительности в голос:

– Степа, спасибо за предложение, но мне помощь не нужна. Шел бы ты к себе в машинное отделение, проверил, как там и что.

Улыбка бортинженера сделалась еще шире и обворожительнее.

– В машинное отделение я всегда успею. А пока – дай, думаю, к девушкам загляну. Если не помощь, то, может, поддержка потребуется. Моральная и... всякая-разная.

Маслов просто улыбался, но казалось, что на последней фразе он подмигнул весьма двусмысленно.

– Это ты на что намекаешь? – сразу подобралась Елена.

– Так ведь к гиперперемещению готовимся.

– Подумаешь! У меня это уже девятнадцатый переход.

– У меня – тридцать пятый, что из того? Статистика тут значения не имеет. Представь – нас превратят в хромоплазму и затрамбуют в черт знает какие измерения. А когда в нормальное пространство вернемся, то это ведь будем абсолютно другие мы! От этих нас не то что молекулы, ни одного протончика не уцелеет. Нынешним нашим телам существовать осталось чуть больше часа. А им ведь хочется напоследок и нежности, и ласки...

– Степа, ты меня с Вероникой не спутал? – перебила его Коцюба. – Это на ее ушах подобная лапша очень хорошо повисает.

– Вероника занята, – развел руками Маслов. – Стасис-установку готовит.

– Тогда не повезло твоему телу. Ничего ему в этой жизни не обломится.

– Да? А в прошлую экспедицию...

Елена почувствовала, как щеки полыхнули огнем. Вот гад! Обещал ведь забыть ту ее минутную слабость.

– Прекрати! Это случайность была!

– Случайность? А говорят, что три раза – это даже не совпадение, а закономерность.

Щеки продолжали полыхать. Елена шагнула к двери:

– Разговор закончен. Дай пройти!

– Пожалуйста.

Бортинженер посторонился, предупредительно открыл дверь. Но сам не вышел. И повернулся так, чтобы проем частично перегораживать. Кто другой – та же Ника – прошмыгнул бы в оставшуюся щель без труда. Но Елена наверняка ткнется «выдающейся» частью своей фигуры прямо в живот этому дылде. Не дождется!

Стараясь собрать в голосе весь металл, на который была способна, она скомандовала:

– Бортинженер, покиньте помещение экспресс-лаборатории. Немедленно!

Маслов помедлил немного – прикидывал, есть ли какие-то варианты продолжения разговора. Затем, не оборачиваясь, вперед спиной, шагнул в коридор.

– Слушаюсь и повинуюсь, моя повелительница! До встречи в новой жизни!

Алексей Буланов. Солнечная система, исходная точка, 3-й день экспедиции

Расстояния между звездами измеряются парсеками.

Десятками, сотнями парсеков, тысячами лет пути, – если лететь на субсветовых скоростях. Живший в середине XXI века американский математик русского происхождения Джон Марков терпеть не мог никакие путешествия. С рождения страдающий агорафобией, он боялся представить себе огромную пустоту между мирами. Наверное, поэтому в его модели Вселенной время и расстояние отсутствовали. Вообще. Вместо непрерывного континуума он оперировал дискретными множествами абстрактных точек, «гравитационными сгустками», мгновенно обменивающимися информационными пакетами.

Вероятно, модель эта так и осталась бы одной из многих, рожденных «на кончике пера» и там же умерших. Но кроме досужих размышлений о природе Вселенной Марков занимался делами вполне конкретными. Он участвовал в разработке математического аппарата фазовых переходов адронного³ вещества в кварк-глюонную плазму⁴. И открыл зависимость между максимально допустимым размером «капли» хромоплазмы и кривизной пространства. Уравнения, которые вывел Марков, упрямо твердили: капля массой больше пороговой не может существовать в пределах 3-браны, она «продавливается» в пространство больших размерностей, теряет при этом часть энергии и, естественно, возвращается назад в адронное состояние. Но уже в другой точке 3-браны!

Научным сообществом исследования Маркова были признаны сомнительными, тем более что получить пороговое количество хромоплазмы и проверить ее поведение экспериментально в те годы не представлялось возможным. Но Марков поспешил связать свое открытие со своей же моделью Вселенной. Наноклапю КГП он назвал «информационным пакетом», уравнение фазового перехода – «уравнением масс-информационного преобразования» и объявил, что нашел «кротовую нору» в М-теории.

Ему не поверили. Дверь, ведущая к звездам, осталась незамеченной. Неподходящее было время для звезд. Человечество увязло в нескончаемой череде локальных, но от этого не ставших менее кровопролитными войн: за энергоносители и остатки углеводородного сырья, за питьевую воду и плодородную землю, за абстрактные идеи и реальную власть. Вскоре чудака-математик сгорел в пожаре ядерных терактов, прокатившихся по Восточному побережью Соединенных Штатов от Норфолка до Бостона, и о нем забыли. Почти на полвека.

В конце XXI века другой человек в другой части света почти случайно наткнулся на работы покойного математика. Заведующего Лабораторией физики высоких энергий Стокгольмского университета Уго Ларсена «гравитационные сгустки» не интересовали. Но его очень заинтересовала энергия, которая должна выделяться во время марковского преобразования, нарушающего конфайнмент⁵. Если формула верна и заявленный принцип удастся реализовать на практике, то наноклапю КГП станет «запалом» в реакторе, превращающем любое вещество в энергию.

³ Адроны (от др.-греч. ἄδρῶν «крупный», «массивный») – класс элементарных частиц, подверженных сильному взаимодействию. В частности, адронами являются протон и нейтрон.

⁴ Кварк-глюонная плазма (КГП, хромоплазма) – состояние вещества в физике высоких энергий и физике элементарных частиц, при котором адронное вещество переходит в состояние, аналогичное состоянию, в котором находятся электроны и ионы в обычной плазме. Предположительно, вещество Вселенной находилось в состоянии кварк-глюонной плазмы в первые мгновения после Большого Взрыва.

⁵ Конфайнмент (от англ. *Confinement* – удержание [цвета]) – явление в физике элементарных частиц, состоящее в невозможности получения кварков в свободном состоянии, поскольку в экспериментах наблюдаются только агрегаты кварков, состоящие из двух (мезоны) или трех (барионы) кварков.

Марков не ошибался в расчетах. Его уравнения работали.

Свое детище Ларсен окрестил «нуль-реактором», так как сердцем установки было вещество, заполнявшее Вселенную в первые мгновения после «Точки Ноль» – Большого Взрыва⁶. Открытие сразу же окрестили предвестником новой эры в истории человечества. В эпоху, когда энергетический голод казался самой страшной из возможных угроз для цивилизации, люди получили источник общедоступной, практически неисчерпаемой энергии. Современники Ларсена представить не могли, насколько эта эра будет **НОВОЙ!** Совсем не такой, как виделось им в их сладких грезах.

Реактор обеспечил человечество не только энергией. Он наглядно продемонстрировал, что Марков был не забавным чудачком, а гением. Со всеми вытекающими последствиями. Впрочем, о последствиях теории Маркова для судьбы человечества не задумывались ни в 2107-м, когда нуль-звездолет «Красный дракон» совершил первый гиперпрыжок; ни в 2121-м, когда экспедиция Витольда Мережа доказала, что спин-цветовые параметры КГП содержат не только полную информацию о переносимом объекте, но и координаты точки выхода, а значит, путешествовать по Галактике можно вполне целенаправленно. Ни даже в 2127-м, когда Рольф Хаген нашел и обследовал первую землеподобную планету.

Но в 2211-м никто уже и представить не мог, каким стал бы мир без открытия, сделанного когда-то Джоном Марковым. И существовал бы он вообще, наш мир?

У навигатора корабля-разведчика «Христофор Колумб» Алексея Буланова была Мечта. Она родилась давно, когда он, еще маленький мальчик, ходил с папой в магазин игрушек на центральной площади, напротив старинного бронзового памятника основателю города. Алеша мог часами стоять возле витрины, рассматривая миниатюрные кораблики, автомобили, паровозы, самолеты и звездолеты. Такие маленькие, а совсем как настоящие!

Отец у него был самый лучший. Вдвоем они могли рыбачить всю ночь, могли полдня гонять мяч на пустыре или сидеть в саду под старой грушей и говорить обо всем на свете. Позже Алексей узнал, что взрослые считали его отца неудачником, ничего не добившимся в жизни. Алексей с ними не согласился. Он хотел походить на отца во всем, даже жену выбирал, как тот когда-то выбирал маму. С Аней они учились вместе с первого класса. В пятом Алексей решил, что женится на ней, когда вырастет. Пересел за соседнюю парту и начал ревниво опекать девочку. С годами Аня не превратилась в прекрасного лебедя, так и осталась «гадким утенком», серой невзрачной мышкой. Какая разница? Алексей тоже не считался красавцем. Правда, он лучше всех в классе решал задачи и у него была феноменальная память, позволяющая на спор перемножать в уме шестизначные числа. И, окончив школу, он с легкостью поступил в аэрокосмический институт. А потом, единственный в их городке, – в Академию Космофлота.

Когда он вернулся из своей первой экспедиции и приехал домой в новеньком парадном мундире с серебряным шитьем, посмотреть сбежалась вся улица. А он – тогда еще не навигатор, а только пилот косморазведки, – нарвал в палисаднике охапку георгинов и направился напрямик в местную больницу, где работала фельдшером Аня. Через месяц они поженились, и, когда Буланов вернулся из второй экспедиции, его ждала не только жена, но и сын.

Алексею хотелось и второго ребенка – сына или дочь, неважно, – но Ане трудно было бы самой воспитывать двоих. И заработок у фельдшера муниципальной больницы невелик. А его деньги они не тратили, откладывали, чтобы улететь на Новую и начать там собственное Дело, которым будут заниматься следующие поколения Булановых. Какое дело? Да ясно же! Строить

⁶ Большой взрыв (англ. *Big Bang*) – космологическая теория начала расширения Вселенной, перед которым Вселенная находилась в сингулярном состоянии.

кораблики, автомобили, поезда, самолеты и звездолеты. Маленькие, но совсем как настоящие. Которые будут радовать тысячи ребятишек.

В экипаже о Мечте знала одна Ярослава Медведева. Для остальных Буланов был занудой и скупердяем. Маслов шутил, что все инструкции, уставы и руководства космического флота писались исключительно в расчете на навигатора «Колумба». Пусть его! Мнение бортинженера Алексея не интересовало. Он добросовестно выполнял свои обязанности, – что еще нужно? Он считался одним из лучших навигаторов в косморазведке, а за это прощают все: педантизм, нелюдимость, излишнюю рачительность в финансовых вопросах. Говорят, что навигатором нельзя стать, что им нужно родиться, что это талант от бога. Возможно, и так. Для Алексея его профессия была ремеслом, позволяющим когда-нибудь – уже скоро! – превратить Мечту в реальность.

Алексей Буланов шел в свою четырнадцатую экспедицию. Если она окажется очень удачной, то в последнюю. Иначе – в предпоследнюю. В любом случае, смену он себе подготовил, и сейчас та сидела рядом, в соседнем кресле. Ярослава могла подать рапорт о переводе на должность навигатора еще год назад, и Буланов подписал бы рекомендацию, не задумываясь. Да только не будет пока такого рапорта: двум навигаторам на одном корабле делать нечего, а с «Колумба» Ярослава не уйдет. Для нее профессия тоже была ремеслом, позволяющим превратить Мечту – ее мечту – в реальность.

Буланов положил руки на пульт. Двухчасовая готовность давно закончилась, планетарные двигатели заглушены, установка искусственной гравитации отключена. Те, кому положено спать в стасисе, – спят, кому положено бодрствовать – заняты своим делом. Бортинженер готовит м-двигатель к Переходу, кибернетик рассчитывает параметры точки выхода. Пора и навигатору браться за работу.

Палец Буланова коснулся сенсора внутренней связи.

– Пост киберконтроля, доложите готовность.

– Расчет параметров выхода закончен. Текущий тензор вероятностных коэффициентов сформирован.

– Отлично. Параметры выхода – на главный экран.

Черная панель, занимающая половину стены рубки, ожила, замерцала янтарными сполохами. И тут же покрылась рядами цифр. Цифр было много, очень много в этот раз. Буланов привычно пробежал по ним взглядом – семь тысяч триста девяносто шесть вариантов. И вероятностное распределение размыто. Трудный выбор предстоит.

Человеку, далекому от косморазведки, могло показаться, что значение должности навигатора преувеличено. Ведь параметры точки выхода рассчитывает бортовой компьютер, а дело навигатора – помочь бортинженеру настроить м-двигатель да нажать кнопку «Пуск» на пульте. Человек, далекий от косморазведки, никогда не видел бесконечную вереницу чисел на экране, любое из которых могло оказаться истинным, но, скорее всего, было ложным. В теории гиперпространственных перемещений, как в любой квантовой теории, правит принцип неопределенности, а значит, параметры, рассчитанные компьютером, – гипотетические. И вся беда в том, что нет линейной зависимости между ними и координатами точки выхода в пространственно-временном континууме. Разница в две-три единицы может означать ошибку и в десятках гигаметров, и в десятках парсеков. В этот раз, например, компьютер предложил семь тысяч триста девяносто шесть вариантов. Даже если отбросить те, вероятность которых меньше одной десятичной, все равно останется больше сотни. Если доверить выбор кибернетическому мозгу, то и угадает он где-то в одном случае из ста. А у хорошего навигатора в среднем три-четыре промаха на попадание. В фольклоре флотов всех космических держав ходила легенда о Йоне Есихидо, которая ВСЕГДА безошибочно проводила корабль к выбранной цели. Пусть это легенда, но космонавигация еще долго будет искусством, а не точной наукой. Не искус-

ством угадывать, разумеется. Искусством ощущать то, чему нет названия: невидимые струны, пронизывающие и связывающие все вокруг.

Буланов повернулся к пилоту:

– Ярослава, выбирай.

Медведева тоже положила руки на пульт. Замерла, всматриваясь в янтарные ряды цифр. Убирать заведомо маловероятные комбинации она не стала. Вместо этого закрыла глаза, откинулась на спинку кресла. Буланов удовлетворенно кивнул. Настоящий навигатор не станет надеяться на логику и расчет – с этим компьютер справился бы заведомо лучше. Настоящий навигатор умеет доверять интуиции.

В ходовой рубке висела тишина. Минута, две, пять... А затем Медведева подалась вперед. Уверенно, больше не глядя на экран, начала набирать комбинацию. Буланов узнал с третьей цифры: вариант с порядковым номером девятьсот тридцать пять, коэффициент вероятности – двадцать шесть десятитысячных. Он не пытался понять, почему именно эта комбинация ничего не значащих цифр показалась его стажеру истинной. Просто следил за длинными сильными пальцами, летающими над сенсор-панелью.

Медведева закончила вводить параметры м-двигателя. И опять замерла. Указательный палец застыл над кнопкой «Пуск». Буланов удивленно посмотрел на напарницу. В чем дело? Сомнения? Колебания? Навигатор не должен сомневаться в своем выборе, в том, что он ЗНАЕТ путь. Иначе дар ОЩУЩАТЬ уйдет, раз и навсегда.

Медведева его взгляд почувствовала. Прощептала:

– Леша, я не хочу туда лететь. Не нужно туда лететь.

Буланов крякнул с досады. Всем хороша Ярослава: и как человек, и как специалист. Если бы не эта ее вера в разные потусторонние дела. Понятно, в Дальнем Космосе любой суеверным становится, очень уж много там непонятого и необъяснимого. Но суеверия эти, приметы да предчувствия, работе мешать не должны никоим образом.

– Ярослава, не волнуйся, все нормально. Вот увидишь, ты правильно выбрала параметры.

Он дотянулся и сам нажал кнопку «Пуск». Скомандовал в интерком:

– Пост машинного отделения, внимание! Параметры Перехода заданы, перевести двигатель в режим разгона!

– Есть двигатель на разгон! – бодро рявкнул из динамика голос Маслова.

Почти заглушил слетевший с губ Медведевой шепот: «Я правильно выбрала. К сожалению...»

Виктор Коновалец. Точка входа, 3-й день экспедиции

Мгновенная тошнота, обморок, так похожий на смерть, и – ощущение свободы! Или пустоты? Есть разница между пустотой и свободой? Этого Виктор не знал. И он абсолютно не беспокоился о том, что его нынешнее тело возникло всего минуту назад из капли хромоплазмы, как и весь корабль, внутри которого он находился. Подумаешь, тело! Всего лишь вместилище разума.

Куда его забросил гиперпереход, Виктор пока не знал. Но то, что он вырвался из Солнечной системы, этого огромного человеческого муравейника, – бесспорно. Он чувствовал это. Его разум был свободен, он мог вновь проводить свой эксперимент...

– Пост киберконтроля! – На экране интеркома появилось лицо навигатора. – Доложите состояние бортового компьютера.

Виктор поморщился. Не получится пока с экспериментом. Сейчас начнется долгая, нудная процедура привязки релятивистских координат. Попросту говоря, предстоит определить, куда именно их выбросило.

Однорупники называли Виктора «ботаном». За то, что он был круглым отличником и за то, что никогда не участвовал в вечеринках, на которых пили коктейли с добавкой чего-то не совсем легального, а после до утра занимались любовью. На самом деле Виктор мог бы учиться гораздо лучше, запросто стал бы первым студентом в университете. Но учился он не ради оценок, а ради знаний – тех, которые считал необходимыми. И всякую модную гадость не пил, потому что не хотел глушить разум. Сознание должно быть ясным и четким, чтобы решить задачу, которую он себе поставил.

Еще на первом курсе, изучая историю кибернетики, Коновалец заинтересовался необъяснимым парадоксом. В XXI – начале XXII века во всех технологически развитых странах велись работы по созданию искусственного интеллекта. К началу XXIII столетия тема эта была забыта напрочь. Почему?! Ведь это так интересно – создать разум, отличный от человеческого. Это сулило прорыв в теории познания, да и в других областях науки.

Виктор принялся искать объяснения. И он нашел их. Много. Ни одно его не удовлетворило. Получалось, что все ускоряющийся прогресс в исследованиях внезапно сменился полным застоєм. Количественные изменения, которые обязаны были привести к качественному скачку... не привели никуда. Все научные группы забуксовали в одно и то же время. Это была загадка. Виктор пытался ее разгадать все годы своей учебы. И была эта охота за тайной куда интересней, чем глупые студенческие вечеринки, чем ухаживания за девчонками.

Девчонки ему нравились – издали. Но когда они оказывались рядом, Виктору становилось нехорошо. Они вторгались в его личное пространство, угнетали своим присутствием, сознание утрачивало ясность и четкость. Однажды у Виктора была женщина, взрослая, знающая, что и как нужно делать, – подруга его мамы. Это было ужасно: тело блаженствовало, а разум страдал. Он чуть не умер тогда, раздавленный наслаждением и отвращением, и, когда она наконец ушла, долго рыдал, уткнувшись в подушку, слабый, несчастный, противный самому себе. А потом заснул. И во сне увидел решение своей задачи.

Искусственный интеллект не сумели создать, потому что неверной была сама предпосылка. Нейроны человеческого мозга не есть вместилище разума. Это всего лишь биологические терминалы, устройства ввода-вывода, обеспечивающие связь разума с внешним миром. Более того, каждый индивид являлся частью единого над-интеллекта, не подозревая об этом! Именно этот над-интеллект гасил идеи, выбивающиеся из общего русла «познания», идеи, способные породить его конкурента.

Пришедшее во сне озарение было восхитительным, но требовало доказательств. А доказать не получалось, пока он оставался в силках над-интеллекта. Требовалось сбежать подальше

от многомиллиардного человеческого муравейника. Виктору нужен был Дальний Космос. Пришлось потратить время, переделывая собственное тело, тренируя его мышцы и реакции, пришлось зубрить неинтересные разделы кибернетики, но он своего добился. Он вырвался за пределы досягаемости человечества.

На корабле Виктора посчитали слегка сумасшедшим, и он старательно носил эту маску. Зато никто не набивался в друзья, никто не покушался на время, необходимое для экспериментов. Впрочем, один человек на корабле был особенным. Пилот Ярослава – только ее он мысленно называл по имени – отличалась от людей, с которыми Виктору приходилось сталкиваться. В ее присутствии он не ощущал давления на свой разум. Возможно, она догадывалась, какую Задачу пытается решить кибернетик. Виктор и сам бы рассказал – если бы она спросила. Ярослава не спрашивала, она решала собственную. Какую? Коновалец не знал.

Спустя три с половиной часа координаты точки выхода были проверены и перепроверены. Кибернетик вызвал рубку.

– Да, Витя, я слушаю. – В рубке дежурила Ярослава, навигатора видно не было. Поэтому Виктор осмелился улыбнуться.

– Расчет по реперным квазарам закончен. – Ему показалось, что женщина напряглась, готовясь услышать результат. – Корабль в локальном пространстве G00010496. Вышли согласно полетному заданию.

Он продолжал улыбаться, ожидая улыбки в ответ, – урок ведь сделан правильно. И Ярослава улыбнулась. Только улыбка у нее получилась какой-то вымученной, ненастоящей.

Степан Маслов. Локальное пространство G00010496, 4-й день экспедиции

Степан терпеть не мог эти первые сутки в чужом локальном пространстве.

Во-первых, потому что страшно. Бортинженер знал, как устроен м-двигатель до последнего микрона, наизусть помнил принцип его действия. И не доверял этой чертовой технике ни на грош. Это Коцюба по своей наивности может задирать беличий носик – «па-ду-ма-ешь!». Степан-то знал, что масс-информационное преобразование не только красивый термин. Он проверял настройки двигателя перед разгоном. Да что настройки! Он чуял двигатель и корабль нутром – потому что был инженером от бога. А после гиперперемещения все шло коту под хвост за одно мгновение. Потому что в другом локальном пространстве это был другой двигатель, другой корабль. И он, Степан Маслов, – не тот, кто был прежде. Понимать это было не то что страшно – жутко!

Во-вторых, пока та же Коцюба отсыпалась в стасисе, ему приходилось пахать. Чуть ли не в буквальном смысле пахать – заново перебрать и перепроверить чертов двигатель и чертов корабль, чтобы задействовать то знание, которое не в голове, а в руках. Чтобы у команды твердая уверенность была: случись что, двигатель не подведет, системы жизнеобеспечения не откажут, корабль вернет людей к родной Земле. Жизни их зависели в первую очередь от него, бортинженера Степана Маслова.

И в-третьих, неприятно было, что Буланов становился капитаном на это время. Не нравился ему этот сыч надутый, гориллоид, кичащийся своей принципиальностью, и все тут! А кому понравится чмо такое? Губы бантиком, глазки как у поросенка, на голове ежик неопределенного цвета. Чувство юмора атрофировано, полчаса думает, прежде чем скажет. Закроется у себя в каюте и сидит там, неизвестно чем занимается. На голографию жены дрожит, не иначе, – такой же, как и сам, замухрышки. А скопидом, каких поискать! На кой он деньги коллекционирует? Тысячу лет жить собирается, что ли?

Причины ненавидеть первые сутки в чужом пространстве у Степана были основательные. Но в эту экспедицию он пошел именно ради них, ради этих суток.

Много лет назад, юным балбесом, Степан пристрастился к Игре. Той самой, которую тысячи лет вели Мужчина и Женщина. Игре в обольщение, игре в любовь. Что может быть увлекательнее, когда вокруг сотни и тысячи карих, голубых, зеленых, золотистых глаз, глядящих на тебя с интересом, с ожиданием, с вожделением? Он был создан для этой Игры – высокий, стройный, умный, обаятельный, красноречивый. Белокурая голубоглазая бестия. Он умел добиться расположения любой женщины. Единственное, чего не хватало для полного счастья, для окончательной и безоговорочной победы в Игре, – серебряных шевронов на лазорево-синем парадном мундире. Что поделаешь, коль довелось жить в век, когда человечество тарашится на звезды, вместо того чтобы смотреть по сторонам!

Шевронами Степан обзавелся. И сразу стал полубогом. Даже искать предлог, чтобы познакомиться, больше не требовалось. Подойти к стойке бара, присесть за столик в кафе, продефилировать по вечернему бульвару, одарив мимолетной улыбкой прекрасную незнакомку. Девять из десяти побегут следом, а оставшаяся будет стоять соляным столбом в надежде, что улыбка полубога не пригрезилась, что обернется. Оборачивался, почему бы и нет?

Жаль только, отпуск у косморазведчиков коротковат, а в экспедиции с женщинами туго. Маленькие экипажи на нуль-кораблях, потому что и сами корабли большими не построишь – условия марковского преобразования не позволяют. Но Игра есть Игра, поблажек себе Степан не давал. Раз пришел в экипаж, то обязан «уложить» всех имеющихся в наличии самочек. После этого он писал рапорт о переводе. Обычно хватало одной экспедиции, от силы – двух.

Пристинскую он «уложил» в первом же совместном полете. Честно говоря, там и усилий прилагать не пришлось. Корабельный врач относилась к самой «покладистой» разновидности женщин – «восхищенные». Для них хватало белозубой улыбки и дежурного набора анекдотов. Он бы и Коцюбу «уложил», да писатель некстати вклинился. Внешностью потягаться с Масловым тот, конечно, не мог, но лапшу на уши вешал профессионально. И вся экспедиция обернулась охами да вздохами по «любимому Андриюшке». Ничего, Маслов знал, что подобная романтическая влюбленность долго не держится, особенно у таких девиц, как Коцюба. Во-первых, она входила в категорию «скучающих», то бишь тех, кого можно подловить, сыграв на настроении. Во-вторых, она была явной «перехватчицей»: смириться, что лишена удовольствия, которого у подружки в избытке, не могла ни в коем разе. А Пристинская наверняка не молчала, расписала Степановы мужские достоинства в лучшем виде. Во второй экспедиции Коцюба «уложилась». И пусть теперь сколько угодно мелет о «случайностях», Степан добился, чего хотел.

На «Колумбе» оставалась одна «не охваченная вниманием» женщина. Медведева была ему не симпатична ничуть, но загвоздка заключалась не в этом. И не в том, что командиром корабля был ее муж – прецеденты имелись. Круминь может потом обижаться сколько захочет, Степан по любому уйдет в другой экипаж. Однако Медведева относилась к редкой породе женщин, на которых обольщение не действовало. Степан мог хоть наизнанку вывернуться, она все равно не поверила бы. Самым правильным в таких обстоятельствах было отступить, признать проигрыш. Но как это было по самолюбию! И треклятое самолюбие пересилило, Степан пошел на «Колумбе» в третью экспедицию. У него оставалась единственная надежда – хоть Медведева и не поддавалась обольщению, но все же была «сострадалицей». И попытаться использовать свой шанс Маслов мог, лишь пока Круминь спал в стасисе. Он даже помолился, чтобы гориллоид-навигатор ламернулся несколько раз подряд. Молитва пропала втуне: к точке назначения они вышли с первого раза. И значит, у Степана оставался один вечер.

Коридор жилой палубы изгибался дугой. По правую руку – служебные помещения, по левую – каюты экипажа. Маслов занимал вторую, Медведева – четвертую. Всего-то двадцать шагов от двери до двери. И нажать кнопку на панели интеркома. Степан и это нажатие тщательно выверил – чтобы сигнал прозвучал просительно.

Дверь распахнулась почти тотчас – Медведева не спросила, зачем она понадобилась борти-инженеру в такое явно неурочное время. Что ж, хороший признак.

Степан осторожно, бочком вошел в каюту.

– Можно? – Как будто и так непонятно, что можно, раз отворили.

Медведева кивнула, уставилась вопросительно. Этого взгляда Степан терпеть не мог: как будто лазерами прожигает. Попробуй тут соврать! Он врать и не собирался. Разве что самую малость.

Он потупился и опустил плечи.

– Слава, я... в общем, я не знаю, к кому подойти с этим. И в себе держать не могу.

Славой Медведеву называл только Круминь, да и то в неофициальной, так сказать, обстановке. Степан попробовал несколько раз это имя, когда никого рядом не было. Прокатило, женщина не возмутилась и не удивилась вроде бы. И он записал это в свой актив.

– Степа, ты садись, – пригласила Медведева.

Маслов глаза не поднимал, потому не видел, кивнула она ему на кресло или нет. Очень показательно не видел, потому замялся, не зная куда сесть, – сама-то хозяйка каюты сидела на кушетке. Наконец после мучительного раздумья и он опустился рядом.

– Слава, понимаешь, я, разумеется, мог бы подождать Нику, и ей рассказать. Но пугать ее не хочу. А к командиру... нехорошо как-то. Подумает, что борти-инженер того... списывать пора.

– Степа, я слушаю, слушаю. Что у тебя случилось?

Он помолчал, собираясь с мыслями. Вдохнул побольше воздуха. Поднял и чуть повернул голову – очень аккуратно, чтобы не встретиться взглядами. Смотрел как бы в лицо собеседнице, но в тоже время – мимо.

– Не у меня, у нас всех! Как из гиперпространства вышли, так и...

– Ты... что-то почувствовал?

Краем глаза Маслов заметил, как женщина вздрогнула. Проняло: чертовщинка всякая, это ж по ее части! Стало быть, тактику он выбрал верную.

Степан вдохновенно продолжил:

– Слава, ты ведь знаешь, я хороший инженер. Я этот корабль до последнего винтика знаю. Не головой, руками знаю. Ты меня с завязанными глазами на любую палубу, в любой отсек заведи и позволь пальцами переборки коснуться, – определю, где нахожусь. А сейчас...

Раньше ему не приходилось бывать в каюте пилота, лишь из коридора мельком заглядывал. Теперь мог рассмотреть ее в подробностях. Каюта как каюта, стандартная обстановка. Кушетка с тумбой в изголовье, квадрат столешницы с выдвигаемым терминалом, кресло, дверь утопленного в переборку шкафа. Жилое пространство в ноль-кораблях ужато до предела, но люди даже в такой аскетичной обстановке умудряются добавить своему обиталищу индивидуальности и комфорта. У Степана, например, стены оклеены... Не порнографией, само собой! Репродукциями пейзажей, земных, умиротворяющих, идеально подходящих для релаксации. А на кушетке – целая горка маленьких подушечек. Хоть под голову подложи, хоть под... куда потребуется. У Пристинской с полдюжины плюшевых медвежат-зайчат-«фиг-знает-ковят» по каюте разбросаны. И фотка дочери ее, естественно.

В каюте Медведевой не было ничего, как будто хозяйка только сегодня в нее заселилась. Единственное исключение – к дверце шкафа приколотая магнитной булавкой картинка. Лист белой бумаги с нарисованной грифельным карандашом птицей. Чайка парила над морем, а внизу, среди волн, угадывались мачты, паруса. Пропорции соблюдены не были: чайка на поллиста, кораблики же изображались несколькими штрихами, не понять, насколько успешно они боролись со штормом. Верхнюю часть картинка занимала зловещего вида черная туча, прорезанная зигзагами молний. Только до корабликов молнии не могли дотянуться – распластанные крылья чайки преграждали им путь.

– ...сейчас так не получается. – Степан облизнул пересохшие от волнения губы. Пальцы его то сжимались в кулак, то разжимались, рука дрожала. И в конце концов соскользнула на кушетку, нечаянно задела бедро женщины. – Не чувствую я корабль. Как будто подменили его. Или нас?

Рука лежала, касаясь бедра женщины, а Медведева на это никак не реагировала. Слишком захвачена рассказом? Взглянуть ей в лицо, чтобы проверить, Степан не отважился.

– Слава, ведь невозможно такое, чтобы с информационным пакетом что-то случилось во время перемещения, правильно? Наука опровергает, да? Это у меня нервы шалить начали, да? Скажи, ты же ничего странного не заметила? Ты же разбираешься в разных поту... необычных штуках?

Степан не врал, только слегка преувеличивал. Описанное им ощущение возникало после каждого гиперперехода и никакого отношения к «ошибкам информпакетов» не имело. Индивидуальная реакция организма на масс-информационное преобразование. В лечении не нуждается, проходит в течение суток. И в этот раз уже почти прошло. Но это «почти» и отличало ложь от преувеличения, позволяло быть правдивым в сегодняшней Игре.

Маслов вновь облизнул губы. Самое время было повернуться к женщине, податься вперед всем телом, схватить за руки... Повернуться Степан не мог. А Медведева молчала, будто не слышала его сбивчивых, взволнованных, на грани истерики вопросов.

Он мысленно скрипнул зубами. Вот кукла деревянная! Но заданный темп нужно выдерживать. Рука бортинженера дернулась было и безвольно упала. Накрыла сложенные в замок руки женщины. И на это Медведева никак не отреагировала, даже не вздрогнула. Требовалось сказать еще какую-нибудь полуправду, повысить градус. Поймет же она когда-нибудь, что мужчина слаб, в одиночку не справится с навалившейся бедой. Что его нужно успокоить, приглубить, дать выплакаться в жилетку.

– Я еще на Земле предчувствовал... Да нет, что я говорю! Как раз все наоборот. Ты ведь знаешь, я ни на одном корабле больше чем в две экспедиции не хожу, правило у меня такое. А здесь... Сам не знаю, зачем я остался. Как будто тянуло что-то. Эх, не нужно было идти в эту экспедицию!

Руки Медведевой неожиданно разжались. Мягко, но решительно она подхватила ладонь бортинженера, убрала в сторону.

– Ты прав, не нужно было идти в эту экспедицию. Но теперь ничего не исправишь.

Голос ее звучал так спокойно и холодно, что на несколько секунд Степан поверил во весь тот бред, который только что нес. Желание продолжать Игру улетучилось мгновенно и бесповоротно. И так же мгновенно и бесповоротно он понял: да, в эту экспедицию не следовало идти.

Иван Круминь. Локальное пространство G00010496, 5-й день экспедиции

Круминь вышел из стасис-сна с привычной легкостью. Будто проснулся утром, а впереди ждет пусть напряженный, но вполне обыденный рабочий день. Двадцать девять лет стажа в косморазведке даром не проходят, человек привыкает ко всему. Вот и он к стасис-капсулам привык, ездит на работу бесчувственным чурбаком. Мог бы, конечно, во время гиперперехода сидеть в ходовой рубке на почетном месте. Но, честно говоря, не любил он этого: ощущение, что сознание вдруг отделяется от тела, и будто призраком становишься, бесплотной тенью. Всего несколько минут длится, но впечатлений надолго потом хватает. Говорят, у всех по-разному, некоторые даже оргазм испытывают. Иван таким «счастливымчиком» не был, к тому же пользы от командира во время Маневра никакой, не разбирается он, физик-планетолог, во всей этой навигаторской кухне. Зачем географию учить? Извозчик довезет! А извозчик у него надежный, в профессионализме Буланова за десять лет совместных полетов он убеждался не единожды. Да, некоторые черты характера навигатора ему не нравились, но кто он такой, чтобы судить? Командир обязан находить общий язык с каждым из подчиненных. Круминь возглавлял экипаж «Колумба» тринадцать лет, со дня схода корабля со стапелей, и в разведке считался хорошим командиром. Сам он это мнение коллег и начальства разделял: четырнадцать экспедиций «Колумба» под его руководством прошли успешно. А если посчитать, сколько всего налетал, то эта будет тридцатой. Юбилейной. И, пожалуй, последней.

Летом Круминю исполнилось пятьдесят четыре, а это означало, что через год он получит право выйти в почетную отставку. Можно бы и еще поработать, строгих ограничений в космофлоте полвека как нет, лишь бы здоровье позволяло. Ивану здоровье позволяло, и друзья говорили, что выглядит он лет на десять моложе, а то и на все пятнадцать. «На семнадцать» – поправлял Круминь. И те, кто знал, какая именно у них со Славой разница в возрасте, кивали понимающе. Мол, да, вы прямо как ровесники. И Ярослава всегда смеялась этой шутке. А он...

Официально брак они не оформляли. Это никого не удивляло: зачем, если люди и так все время вместе, и на Земле, и в Космосе? Главное, чтобы любили друг друга. Любили...

Когда-то давным-давно у молодого косморазведчика Ивана Круминя была жена – первая и единственная его любовь. Он был счастлив, предвкушая каждую встречу долгими месяцами разлуки, и лишь посмеивался над коллегами, заводившими «полетные романы», – они ничего не знали о настоящей Любви... А затем его Единственная ушла к другому, сказав, что устала жить с вечным разведчиком, романтиком-неудачником, не способным сделать карьеру. Не говоря уж о ребенке. Да, она была права во всем. И с детьми не сложилось в жизни, и по карьерной лестнице не смог подняться выше командира косморазведки. А после того развода, той моральной оплеухи он и любить разучился так искренне и самозабвенно, как умел в молодости. Решил, что все это: семья, дети, любимые женщины – не для него. Ему нравился космос, нравилось высаживаться на только что открытых планетах, нравилось все новое, неизвестное, таинственное. Круминю нравилась его профессия, а все остальное он из своей жизни вычеркнул.

И вдруг появилась Медведева. Нет, «появилась» – неподходящее слово для этой женщины. Ярослава вошла в его жизнь, не спрашивая разрешения. «Я здесь, и делайте, что хотите». Они познакомились шесть лет назад на маленьком островке посреди теплого моря. Круминь проводил там очередной отпуск; пилот-испытатель Медведева тоже любила море, солнце и пальмы. Курортный роман завязался незаметно и естественно. И так же естественно закончился, когда Круминь улетел в очередную экспедицию. А вернувшись, очень удивился, встретив прошлогоднюю знакомую на космовокзале.

Медведева оказалась не только умной, начитанной, интересной в общении, обаятельной. Она была чертовски упряма. Во-первых, поступила в Академию Космофлота, с первой попытки пройдя отборочный тур, хоть конкурс на специальность «Пилотирование и навигация» был просто-таки дикий. Во-вторых, Иван ей понравился, и она решила, что будет его любить. Как это «решить любить» Круминь не понимал. Но применительно к Ярославе эти слова означали отнюдь не абстрактные чувства. Это были действия, вполне конкретные и осязаемые. Ему было хорошо рядом с этой женщиной, и одновременно...

Когда Круминь снова прилетел на Землю, то узнал, что Медведева закончила академию и ушла в свою первую экспедицию. «К лучшему», – подумал он и постарался выбросить из головы все, что успело их связать. Но год спустя, когда воспоминания начали тускнеть, они встретились вновь. Неожиданно встретились. Для Круминя неожиданно: Маликов, пилотировавший «Колумб» начиная с первой экспедиции, был списан медкомиссией космофлота вчистую, и на тренировочную базу прилетел новый член экипажа.

Когда она вошла в командирский кабинет, поздоровалась и, улыбнувшись, села в кресло, Иван понял, что в его жизни начинается новый этап. «Я здесь, и делайте, что хотите». «Почему ты выбрала именно меня? Чем я лучше других?» – он решился спросить лишь через год их супружеской жизни. «Ты не похож на большинство людей, ты редкость. На тебе нет железной скорлупы, только тонкая корочка из окалины. А прямо под ней – душа. Таких как ты надо беречь и любить. Без любви вы пропадете». – «Но я ведь не один такой?» – «Не один. Но на всех моей любви не хватит. Поэтому я решила любить тебя». Что он мог сказать ей в ответ? Этой странной женщине, самой непонятной и таинственной из открытых им планет? Если бы он умел так же «решить любить», он бы не сомневался ни минуты. Но он не умел, хоть очень старался научиться! Ведь брать, не отдавая взамен, – это неправильно. Это подло!

Круминь открыл люк стасис-капсулы, выбрался наружу. Воспользовавшись тем, что в отсеке пока никого нет, от души потянулся, расправил суставы. Вынул из шкафчика комбинезон и застыл, рассматривая себя в зеркале. Ростом маловат, но плечи не сутулятся, мускулы накачаны, живот подтянут, прямо как у молодого. Лоб высокий. Злопыхатель увидит в этом начинающую проявляться лысину, ну да не страшно, его это не портит...

Зашуршала дверца открывающейся стасис-капсулы, и шкафчик пришлось поспешно захлопнуть. Елена Коцюба, первый разведчик экспедиции, выпрямилась, сладко зевнула, сделала несколько поворотов влево-вправо. От движений этих ее объемные груди подпрыгнули двумя упругими мячиками. «Вот чертовка!» Круминь быстро отвел глаза. Когда он впервые увидел разведчицу в таком виде, то, естественно, сделал замечание. «А мне так удобнее, майка жмет во сне, – невозмутимо парировала девушка. – Инструкция это не регламентирует. Вы тоже в одних шортах спите». На том разговор и закончился. Нравоучений Круминь не любил и всячески избегал соваться в подробности чужой личной жизни. Он слышал, как друг-писатель называл Елену Белкой. В лице Коцюбы и впрямь было что-то беличье. И в повадках. Такая маленькая, дотошная, любопытная белка. Излишне любопытная. И слишком самоуверенная для косморазведки.

Коцюба улыбнулась командиру:

– Доброе утро!

– Доброе. Как спалось? – Не удержавшись, он поддел: – Не замерзла без майки?

– Не-а, я закаленная. И спится в стасисе мне всегда превосходно. Жалко, сны не снятся.

– А Вероника где? Не проснулась еще?

– Проснулась я, проснулась.

Люк на верхнем ярусе открылся, и второй разведчик «Колумба», экзобиолог и корабельный врач Вероника Пристинская, спрыгнула на пол. Короткие светлые волосы ее были взъеро-

шены, лицо заметно опухло. Докторша, в отличие от подруги, хорошим самочувствием после стасис-сна похвастаться не могла.

– Вот и отлично, – кивнул Круминь. – Одевайтесь, умывайтесь и поднимайтесь наверх. Посмотрим, куда нас наш «извозчик» привез.

По пути в рубку он заскочил на жилую палубу, наскоро принял душ. Остатки сна мигом улетучились под холодными струями, полосующими со всех сторон. В каюту заходить не стал, наверняка в ней ничего не изменилось за два дня. «Надеюсь, что прошло два дня, что никакого ЧП у нас не случилось» – мысленно поправил он себя по привычке. И начал подниматься по ведущему к ходовой палубе трапу.

ЧП не случилось. Круминь поздоровался с навигатором и пилотом, уселся в приготовленное кресло. «Надо было Ярославу поцеловать – мелькнуло в голове. – А то сухое какое-то приветствие вышло». Он тут же отогнал эту мысль. Успеют нацеловаться – позже, когда останутся вдвоем. В рабочее время они командир и пилот, ничего более. Сам такие правила установил, негоже их нарушать теперь.

Он повернулся к Буланову:

– Итак, что мы имеем?

– Маневр Перехода выполнен штатно. Точка выхода соответствует расчетной. Координаты звездной системы занесены в бортовой журнал. Разрешите сдать полномочия капитана корабля?

– Спасибо, Алексей.

На этот раз в заданное локальное пространство они вышли с первой попытки. Хорошо, не пришлось ребятам возиться с юстировкой м-двигателя... Плохо! В косморазведке такая удача считалось дурным предзнаменованием. «Если сначала все хорошо, то потом уравнивается», – закон сохранения пропорции везения-невезения. Новичкам на голубом глазу рассказывали, что закон этот открыт Витольдом Мережем и строго засекречен Службой Безопасности Космофлота. Конечно, это было шуткой. Но работа в Дальнем Космосе делала людей суеверными.

Круминь включил внутреннюю связь.

– Бортинженер, доложите результаты диагностики.

– Доброе утро, командир!

Голос Маслова был неподдельно довольным. Радует, что капитанство навигатора позади. Эти двое прямо таки на дух друг друга не переносят. Как же, у каждого свои жизненные принципы, своя система ценностей... Тьфу! А вроде взрослые, умные люди.

– Разбалансировка м-двигателя в пределах нормы, – продолжал докладывать бортинженер. – Система антиастероидной защиты работает в штатном режиме. Внешняя оболочка корабля повреждений и деформаций не имеет. Система жизнеобеспечения в норме. Все благополучно у нас!

Последнюю фразу Маслов сказал явно для самоуспокоения. Он тоже был косморазведчиком со стажем. А значит, суеверным человеком.

– Хорошо, Степан. Начинай проверку планетарных двигателей.

– Есть, мой капитан!

– Кибернетик, как там у вас дела?

– Бортовой компьютер работает в штатном режиме. Программа расчета координат точки выхода завершена. Идет обработка предварительных данных о звездной системе.

Иван повернулся к Медведевой:

– Что ж, Ярослава, давай посмотрим, что нам здесь приготовили.

Пилот пробежала пальцами по сенсор-панелям, выводя на большой экран картинку звездной системы.

– Данные предварительные. Звезда спектрального класса G1 V. Масса... Радиус... Светимость... Эффективная температура... Вот спектр излучения. Стандартные полосы.

Солнышко Круминю понравилось. Больше земного, ярче и горячее, но, в общем, похоже.

– Планетарная система?

– Пять планет, две земного типа и три газовых гиганта. Все, кроме четвертой, лежат в одной плоскости эклиптики. Предварительные данные по планетам... – На боковых экранах побежали столбцы информации. – Первая... Параметры орбиты... Расстояние от солнца... Эксцентриситет... Наклонение к плоскости среднесистемной эклиптики... Сидерический период вращения вокруг оси... Орбитальная скорость... Угловая скорость вращения... Наклон экватора к орбите...

– Что по самой планете?

– Вот фотографии.

– Негусто.

– Масса... Радиус... Соответственно, средняя плотность... Напряжение гравитационного поля... Альbedo... По первой пока все.

– Что-то похожее на наш Меркурий? – предположил Буланов.

– Меркурий размером с Венеру. Там, наверное, настоящее пекло.

– Разрешите войти?

Дверь со стороны пилотского ложемента отворилась: разведчицы наконец добрались до рубки. Судя по мокрым волосам, задержались они в душевой.

– Заходите, – кивнул Круминь, – фильм как раз на самом интересном месте.

Девушки по очереди «цемкнули» Медведеву в щечку и пристроились за ее креслом. Иван в который раз подивился, насколько женские правила общения отличаются от мужских. Целуются, и никому в голову не придет, что за этим кроется нечто эдакое. А попробовал бы он Буланова так «цемкнуть»? Навигатор с кресла бы упал, не иначе. А после возвращения по всему космофлоту слушок пошел бы.

– В принципе, на Первую высадиться можно, только смысла я в этом не вижу, – нарушила возникшее было в рубке молчание Медведева. – Разве что ножки помочить в свинцово-оловянных реках.

– Так горячо? – Елена пробежала взглядом по столбцам параметрии. – Ого, с таким солнышком там и медно-цинковые реки потекут.

– Да, смысла соваться туда нет, – согласился Круминь. – Ярослава, давай Вторую.

– Вторая... Параметры орбиты... Фотографии. Тоже неважные, далеко.

– Во всяком случае, какие-то детали поверхности различаются.

– Масса... Радиус...

– Да, вторая интереснее будет.

– Маловата, – с сомнением заметил Буланов.

– На сестричку Земли не тянет. Скорее, на наш Марс похожа.

– Марс, на котором температура в пределах плюс пятьдесят – плюс сто пятьдесят по Цельсию, – уточнила Ярослава.

– Это если там атмосфера, как на Марсе, – покачала головой Коцюба. – А цвет планеты местами странный.

– Синеватый? Я думаю, это вода.

– Вода при ста пятидесяти? Капитан, почему же она не выкипела? И тогда отсутствие облаков как объяснить?

– А кто сказал, что это окончательные данные по температуре на поверхности? К тому же смотрите, какой наклон экватора, там климатическая поясность должна быть выражена сильнее, чем на Земле. А у нас температура в Антарктиде, между прочим, минус пятьдесят, а двести лет назад наблюдали и минус восемьдесят.

– Если там вода есть, то могут и органические формы быть? – неуверенно предположила Пристинская.

– Возможно, но не обязательно, – пожал плечами Круминь. – Узнаем состав атмосферы, тогда будем гипотезы выдвигать.

– Переходить к гигантам? – оглянулась Медведева.

– Да. Но я думаю, и так ясно, что высаживаться будем на Вторую. А ты как считаешь?

Спросил и увидел вдруг, как задрожала рука пилота, лежащая на сенсор-панели пульта. Очень сильно задрожала. Впрочем, длилось это секунды две-три, никто и не заметил. Медведева быстро справилась со своим непонятым приступом. Кивнула:

– Раз ты решил, то пусть так и будет.

Вероника Пристинская. Локальное пространство G00010496, 10-й день экспедиции

Вторая лежала в афелии, и «Колумбу» понадобилось пять стандартных суток, чтобы подойти к ней. Все эти дни Вероника места себе не находила. Было из-за чего переживать! По всем расчетам получалось, что выход на орбиту тютелька в тютельку выпадает на Вероникин день рождения. Тем самым этот ее личный праздник отменялся: сначала маневрирование, затем орбитальная разведка, обработка полученных зондами данных... И ладно бы обычный день рождения пропал, а то юбилей, можно сказать! Тридцать лет.

Однако Круминь об этой дате тоже помнил. И накануне неожиданно выяснилось, что пяти суток кораблю не хватило, что до выхода на орбиту остается почти целый день. Правда, праздничный ужин придется заменить праздничным завтраком, но это такие несущественные мелочи!

Светлая полоса если уж начинается, то начинается. Вслед за Круминым позвонил Буланов, извинился и сообщил, что на застолье не попадает: как раз его вахта по графику. Да и посчитать оптимальный курс выхода на орбиту нужно. Вероника огорченно кивала, с трудом сдерживая восторженный вопль. Буланова не будет на ее дне рождения! Нет, против навигатора она ничего не имела. Наоборот, уважала и как профессионала, и как глубоко порядочного человека. Но... боялась. Под взглядом серых, спрятанных глубоко под кустистыми бровями глаз ей становилось стыдно. За развод с мужем, за то, что Мышонок по полгода с хвостиком мамы не видит. И вообще... необъяснимым, иррациональным стыдом было стыдно. Будто навигатор знал о ней что-то мерзопакостное и в любую минуту мог уличить. Так что после его звонка радость от предстоящего праздника если не удвоилась, то почти удвоилась.

Удержать внутри эту почти двойную радость Вероника не смогла. Едва Буланов отключился, взвизгнула от восторга и метнулась в соседнюю каюту – к Коцюбе.

– Ленка, что я сейчас скажу, ты не представляешь! – закричала, как только порог переступила.

Коцюба возлежала на кушетке, подперев спину подушкой. Слушала музыку. Улыбнулась снисходительно на радостный вопль подруги, сняла с головы обруч вилора, положила на тумбочку.

– Представляю. Круминь всех оповестил, что у нас праздник намечается.

– Да что Круминь! Буланов не придет! У него как раз утром вахта по графику. – Вероника плюхнулась на кушетку. – Фух! А я боялась, что завтра не до меня будет. По первоначальным расчетам мы же должны были утром маневрирование начинать.

– Стал бы Круминь тебе праздник портить! Он же тебя любит, такую ма-а-аленькую, хоро-ошенькую.

Коцюба придвинулась к ней и погладила по голове, словно котенка. Уши Вероники тут же вспыхнули.

– Перестань! Глупости какие говоришь.

– Почему глупости? Круминь, конечно, мужчина в возрасте, но весьма неплохо сохранился...

– Ленка!

– Да шучу я, шучу! – захохотала Коцюба, откидываясь обратно на подушку. – Я хотела сказать, что он тебя как дочь любит.

– Ой, перестань! Слушай, это ж если завтра утром... Это же пораньше встать нужно, приготовить все. Или лучше с вечера, как думаешь?

Елена закинула руки за голову. От размашистого движения полурасстегнутый комбинезон ее разошелся на груди. Майку она, как обычно, игнорировала.

– Ярослава просила предупредить, чтобы ты не суежилась с застольем. Она все приготовит и пирог испечет. Тот самый, который ты любишь.

– А это хорошо будет?

– Конечно, хорошо. Ты не умеешь пироги печь, и я не умею, а она умеет. Значит, все правильно, пусть печет.

– Нет, я не о том. День рождения у меня, а ей возиться.

– Она тебя тоже любит – как младшую сестру. Тебя все у нас на корабле любят.

– Угу, любят... Особенно Буланов.

– Ну ты сказала! Чтобы Буланову понравиться, ты должна как минимум к мужу вернуться. Потом родить еще двух-трех и сидеть с ними, воспитывать.

– Нет, к Филиппу я не вернусь. Да он и сам не согласится. А дети... Думаешь, это так легко – родить?

– Дурное дело не хитрое. – Коцюба снисходительно скривила губы.

– Дурное?! Чего ж сама не попробуешь? Вы же с Андреем любите друг друга?

– При чем тут одно к другому? Да, мне с Андреем интересно – на Земле. Но работать-то я хочу в Космосе! Карьеру хочу сделать – в Космосе. Например, стать командиром нашего «Колумба» после Круминя, – не век же ему летать. Да мало ли! Здесь полно перспектив. Кем были Швейцер, Вилья, Колотов? Командирами косморазведки. А кем стали? Ого-го! Нет, Земля – это вчерашний день, оставаться там смысла нет. Да что я тебе объясняю! Ты же сама оттуда сбежала, даже Мышонка своего оставила, хоть как его любишь. На три года всего и хватило «радости материнства».

Вероника съежилась, словно от пощечины. И глаза сразу защипало.

– Зачем ты так... Да, знаю, я плохая мать... Но зачем напоминать каждый раз?

Коцюба опомнилась. Прильнула к ней, обняла.

– Ника, прости, прости, пожалуйста! Я иногда ляпну что-нибудь, не думая, по губам бить надо. Не обижайся, пожалуйста.

Вероника макнула тыльной стороной ладони выступившие слезинки.

– Я не обижаюсь. Я на тебя никогда не обижаюсь.

Пристинская решила, что станет космонавтом, еще когда в школе училась. Почему – и сама толком не понимала. Модная профессия. В истории человечества был век, когда все девочки мечтали выйти замуж за принца, и век, когда все хотели стать актрисами или моделями. Теперь наступил век космоса. Теперь стало принято думать, что Земля – это скучно и неинтересно, что будущее человечества – среди звезд.

Пока добраться до звезд удавалось далеко не всем. Но Вероника была девушкой умной и трудолюбивой, и раз повезло ей родиться в семье потомственных биологов, то это следовало использовать. Биофак она окончила с отличием, параллельно – курсы ургентной терапии, но с первого раза поступить в Академию Космофлота все равно не удалось. Вероника не сдалась, год отсрочки тоже постаралась обратить в свою пользу. Устроилась работать микробиологом на Лунную базу, туда, где вдали от Земли проходили двухнедельный карантин возвращающиеся из межзвездных экспедиций космонавты. И этот маленький дополнительный плюсики сработал!

С Еленой Коцюбой Вероника познакомилась в тот день, когда увидела свою фамилию в списке зачисленных. Кроме того, что цели своей она достигла и отныне является курсантом академии, значила эта строчка в списке еще и то, что пора озаботиться жильем в Столице на ближайшие два года. Снимать квартиру на двоих дешевле и веселее. К тому же Пристинская прекрасно знала о своем секретном изъяне – она панически боялась одиночества. Ей обязательно нужен был кто-нибудь рядом, чтобы посоветоваться в трудную минуту. Да просто выговориться! Энергичная, решительная Елена на роль старшей подруги подходила вполне, хоть и была на год младше.

Они сняли уютную светлую квартирку в одном из самых тихих районов города. Здесь трудно было поверить, что вокруг бурлит жизнь многомиллионного мегаполиса. Как будто живут они где-то далеко-далеко от мира других людей. Особенно сильным это ощущение становилось длинными зимними вечерами, когда гасишь весь свет, кроме крохотного ночника, и комната погружается в полумрак, и такой же полумрак за окнами. И можно болтать о чем угодно, делиться мечтами, фантазировать...

А потом Вероника влюбилась. Влюбиться в собственную подругу – подумаешь, что в этом особенного? Не она первая, не она последняя. Просто не ожидала, что это случится с ней. В школе и в университете она слыла пусть не первой красавицей, но девушкой симпатичной, недостатка внимания со стороны парней не испытывала никогда. Некоторым отвечала взаимностью. Но там получалось все легко и понятно. А здесь...

Ленка была напористая и нетерпеливая, резкая и прямолинейная, самолюбивая и высокомерная, жесткая, иногда жестокая и несправедливая. Ленка была самой лучшей на свете! И слепой, как крот. Она не видела взгляды, которые украдкой бросала на нее подруга, не слышала вздохи и обмолвки. Она была полностью погружена в учебу и планы на будущее.

Вероника терпела долго. Сначала старалась выбросить эту блажь из головы. Когда поняла, что не блажь, – все равно терпела. Но перед окончанием курса, накануне выпускных экзаменов, решила. В конце концов, что это за «односторонняя» любовь такая получается? Почему она должна стесняться своих чувств? Не в двадцатом веке живем!

Объяснения в любви не получилось. Несколько фраз, исподволь, издалека, и Вероника поняла – не было в обширных, далеко идущих планах Коцюбы места для возлюбленной. Там и близкая подруга едва умещалась.

И Вероника бросилась в омут любовных приключений – с кем попало, лишь бы забыть, лишь бы не думать! Как экзамены сдала, непонятно. Но когда дошло дело до распределения, выяснилось, что она беременна и ни о какой косморазведке речи пока быть не может. Потом – короткое невнятное замужество, потом...

А потом Коцюба вернулась из своей первой экспедиции и заглянула к ней в гости. Ничего не прошло и не забылось! И следующие семь месяцев – столько длилась вторая экспедиция Елены – стали для Вероники временем томительного, невозможно томительного ожидания новой встречи. И когда подруга улетела от нее в третий раз, она поняла, что не выдержит так. Что должна быть рядом с Ленкой, просто рядом, без всякой надежды на что-то большее. Пусть это подло и гадко, но Мышонок не смог удержать ее на Земле.

Пирог получился именно таким, какой нравился Веронике. Какой попробовала впервые год назад, когда приехала в большой белый дом на берегу моря – на «смотрины» к Круминю. Пышный, румяный, поблескивающий шоколадной глазурью. В этот раз его украшал целый лес разноцветных свечей. Вероника бросилась считать их, едва вошла в кают-компанию и увидела это чудо. Свечек было... восемнадцать.

– Маловато? – спросила она, неуверенно оглянувшись на гостей, толпившихся в дверях.

– Маловато?! – тут же возмутился Маслов. – Смотри, какой огромный!

– Свечей маловато!

– В самый раз, – качнул головой Степан. И тут же распорядился: – Дуй!

– Дуй! – поддержали все хором.

Вероника дунула что было силы. Пламя на свечах заметалось, погасло... На всех, кроме одной. Сердце нехорошо екнуло.

– Ой, одна не потухла! Счастья не будет...

Ярослава быстро шагнула вперед, наклонилась к пирогу, дунула, гася свечу:

– Это тебе показалось. Все погасли!

– Ну если так... Прошу за стол!

– Командир, а можно по такому случаю слегка нарушить сухой закон? – подмигнул Степан, вынимая сверток из-за спины.

– Если слегка, то нарушай.

Семейные праздники в косморазведке отмечали по-разному. На «Христофор Колумб» Круминь принес традицию праздничного застолья. А какое застолье без бутылочки хорошего сухого вина? Так что вопрос бортинженера был чисто риторический – для соблюдения субординации.

– Тогда подставляйте фужеры. Токай Фриуано шестого года, никто не возражает? Эй, Витек, ты куда свою посуду прячешь?

– Я не пью вино.

– Что, «патриот»? Сейчас расскажу анекдот в тему, слушайте. Однажды встретились Капитан Мереж и Капитан Хаген. Капитан Хаген и спрашивает: «Витольд, а сколько ты водки за экспедицию выпить можешь?» – «Не знаю, не проверял». – «Десять бутылок выпьешь?» – «Десять выпью». – «А двадцать?» Капитан Мереж задумался. Потом говорит: «Пожалуй, и двадцать». – «А сто?» – «Если экспедиция удачная, то и сто одолею». – «А по-взрослому? В галактическом, скажем, масштабе?» – «Нет, так я не могу!» – «Почему?!» – «Я же патриот! Пью исключительно “Старокиевскую”. Где ж ее в галактическом масштабе-то взять?»

– Ой, Степа, успеешь ты с анекдотами, – остановила его Ярослава. – Скажи лучше тост. Что-нибудь хорошее для именинницы.

– Это запросто и с превеликим удовольствием! Никочке я готов хорошее говорить не только по поводу, а хоть и каждый день!

Степан поднялся. Открыл было рот, но неожиданно засмеялся.

– Ты чего? – Коцюба подозрительно уставилась на бортинженера.

– Думал что-нибудь остроумное сказать, но ведь всегда успеется. Ника, будь вечно такой молодой и счастливой, как сегодня!

– Это тост? И всего-то? – презрительно скривилась Елена. Хотела выдать что-то особо язвительное, но не успела. Остальные дружно зазвенели фужерами.

– Спасибо. – Вероника улыбнулась. – Я постараюсь. Хотя не представляю, как это у меня получится.

– А что, здорово навсегда остаться молодой, – фыркнула Коцюба. – Я бы не отказалась! Вы представляете, это же вечная...

Дзан! – звон разбившегося хрусталия оборвал ее. Медведева виновато развела руками:

– Извините.

– Ничего, посуда бьется на счастье, – заверил ее Степан. И обернулся к Круминю: – Командир, я за второй бутылочкой сметаюсь, да?

– Не нужно за второй, работы впереди много. Нам рандеву с прекрасной незнакомкой предстоит, не забывайте.

– С Горгоной. – Все удивленно повернулись к пилоту, и Медведева поспешила пояснить свою реплику: – Имя для планеты.

Маслов хмыкнул удивленно:

– Однако мрачная у тебя фантазия.

– Я не настаиваю. Не нравится – не надо...

– Почему же? – остановил ее оправдания Круминь. – Имя как имя. Пусть будет Горгона.

Андрей Лесовской. Земля, пансионат «Сосны», 29 июля

Котлеты Белка не любила категорически.

– Опять эта гадость!

Андрей, успевший отправить содержимое вилки в рот, нерешительно пожевал, прислушиваясь к вкусовым ощущениям. Нет, все нормально. Котлета свежая, из натурального мяса.

– Почему гадость? Нормальная котлета и нормальные макароны.

– Именно поэтому! На этой неделе нас уже кормили макаронами с котлетой! И на прошлой, и на позапрошлой! И так далее!

– Нет, на этой неделе была котлета с гречневой кашей, а макароны были с ромштексом...

– Какая разница?! Все равно примитив. Тебе самому это есть не надоело?

Лена отковырнула кусочек от котлеты и отправила его в рот с таким видом, будто вынуждена была глотать личинок майского жука. Андрей настороженно огляделся по сторонам. Нет, за соседними столиками пока что не обратили на них внимания. Отдыхающие спокойно обедали.

– Мне котлеты нравятся, – миролюбиво пояснил он. – А макароны, они и на Луне макароны. Чего это ты так возмущаешься? Неужели на «Колумбе» какими-то изысканными блюдами кормят?

– Так в том и дело! Экспедиция есть экспедиция, там выбирать не приходится. Прилетишь на Землю, а тут то же самое!

Андрей неуверенно пожал плечами.

– Давай вызовем такси, слетаем в город, в ресторан.

Кислая гримаса на лице Белки стала еще выразительней.

– При чем тут ресторан?! Дело не в еде! Понимаешь, на «Колумбе» восемь месяцев полного однообразия. Одни и те же лица – туды-сюды, туды-сюды! В карантине – почти то же самое. В отпуск летишь, надеешься – там уж точно все по-другому будет! Ан нет – опять заточение. А мне на людей посмотреть хочется, повеселиться. Мне общество нужно.

Андрей опустил взгляд:

– Я думал, тебя мое общество устраивает.

Елена запнулась на полуслове:

– Андрюшка, извини. Я не хотела тебя обидеть.

– Это ты извини. Я так ждал тебя, надеялся, что, когда ты прилетишь, мы будем вдвоем. Только вдвоем! Не хотел тебя ни с кем делить.

– Андрюшка, я тоже по тебе соскучилась. Просто... человек я такой, понимаешь? Экстраверт.

– Да понимаю я.

На какое-то время за их столиком установилась тишина. Наконец Андрей отважился поднять глаза:

– Так что, летим в ресторан?

– А ну его. – Елена решительно пододвинула свою тарелку к мужниной и вытолкнула туда котлету. Пояснила: – Это не за так. Меняюсь на йогурт.

Андрей прыснул от неожиданного перехода.

– Разве белки любят йогурт?

– Еще как любят! Давай доедай скорее, и пойдем, о Горгоне дорасскажу. А вечером обсудим, куда дальше отдыхать двинем. А то мне эти «сосенки» в печенках сидят.

Андрей не понимал, как могли наскучить сосны. Высокими колоннами они обступали тропинку, тянулись вверх, переплетаясь где-то там кронами, и лишь редкие лучики слепо-

луденного солнца добирались до земли. Воздух казался густым от аромата смолы и хвои, и каждый вздох был словно большой глоток. Просто дышать, медленно, глубоко, и идти, никуда не спеша, по мягко пружинящей подстилке, ощущая в ладони пальцы любимой.

Белка величественной красоты леса не замечала. Увлеклась собственным рассказом о Горгоне:

– После недельной серии в северном океане я думала, что мы сворачивать будем экспедицию. Но Круминь сжалился над Никой, и мы две недели ныряли в южных. Это вообще мелочь, большие соленые лужи. Соленость воды, кстати, довольно низкая, тринадцать-пятнадцать промилле⁷, я ожидала гораздо выше. Но водичка прозрачная-прозрачная и спокойная до невозможности. Вечный штиль – ни штормов, ни ураганов. Да там и ветров-то сильных не бывает. Прямо спящая красавица, а не планета. Когда мы первый раз привоидились посреди океана – берегов не видно, а внизу дно, как на ладони. Камешки разноцветные лежат, красиво. Даже не верилось, что до него почти двадцать метров. Но органики там тоже не обнаружилось. – Белка замолчала ненадолго. Добавила: – Ну, в общем, и все о Горгоне. Рассказала обо всех наших высадках в подробностях и с впечатлениями. Двадцать три недели полевых исследований, по одной в каждой точке высадки, в соответствии с инструкцией. Теперь доволен?

– Ладно, будем считать, что рассказала, – смиростивился Андрей. – Не очень удачная вышла у вас экспедиция.

– Почему это? Мы же обследовали планетную систему – согласно полетному заданию. И никаких ЧП.

– Это замечательно, что у вас без происшествий обошлось. Но для приключенческого романа такой сюжет не годится.

– Ну извини, что мы вернулись живыми и здоровыми! Надо, чтобы половина экипажа там полегла, да?

– Боже упаси! Но понимаешь, в глазах землян вы – косморазведчики, звездопроходцы, – вы все герои. А герои должны совершать подвиги, работа у них такая.

– А Круминь говорит: за подвигами только клинические идиоты гоняются.

– Правильно он говорит. Со своей точки зрения. Он начальник экспедиции, он за людей отвечает, ему эти подвиги – одна головная боль. Но в вашей профессии самая будничная работа в чем-то героическая. Честно говоря, я и пытался это уловить в твоих рассказах. Хоть что-то.

– Ага, а месяц на экваториальном плато – это тебе не подвиг? Сниться эти базальтовые плиты начали. Едва глаза закрываешь – красно-бурая каменная пустыня до горизонта, и миражи в раскаленном воздухе.

– Может, и подвиг, но какой-то он очень уж однообразный получился. Высадились, установили регистрирующую аппаратуру, собрали образцы... Рутина!

– Рутина, значит? Конечно, куда уж нам до вашей, полной интересными приключениями и подвигами писательской жизни!

Белка отвернулась, надула губы. Обиделась. Андрей прикусил язык – зачем ляпнул? И слово какое противное выскочило, «рутина». Где только выкопал такое?

Теперь они шли молча, почти в полной тишине. Только изредка хрустнет веточка, попавшая под ногу, да дятел где-то вверху выбивал раскатистую барабанную дробь. Краем глаза Андрей засек движение: рыжая белка разбирала упавшую на землю шишку. Заметила людей, застыла, повернув навстречу удивленную мордочку. И вдруг молнией взлетела по стволу, исчезла в ветвях. Андрей осторожно потерял ладонь подруги.

– Ну чего еще? – недовольно буркнула та.

– Видела, как твоя родственница по деревьям скачет?

– Ой-ой-ой, остряк доморощенный! Сейчас я твоего родственника найду!

⁷ Промилле (от лат. *pro mille*, букв. «за тысячу») – однатисячная доля, 1/10 процента.

Она покрутила головой, но никакой живности больше не наблюдалось. Отчаявшись увидеть в густых ветвях хоть что-то, поинтересовалась ехидно:

– А какая это птичка поет?

– Дятел.

– Сам ты дятел! Прислушайся! Слышишь? Соловей?

– Нет, не похоже... Хотя... Нет, не знаю. Определенно могу сказать, что это не кукушка!

– Да уж, соловья от кукушки любой отличит. А я думала, ты по голосам птиц определить можешь.

– С чего бы? Я не орнитолог.

– Но ты ведь пишешь в своем романе: «Он услышал, как синички в кустах начали о чем-то ожесточенно спорить». А может, там совсем не синички были?

– Так то в романе!

– Вот так и верь вам, писателям! Я думала, пишут о том, что знают.

Андрей, протестуя, взмахнул руками:

– Нельзя же знать все!

– Да, все знать невозможно. Но то, чем занимаешься, нужно изучить в совершенстве. Я, например, знаю химию и планетологию. И косморазведку.

– Косморазведку и я знаю!

– Ха! Это ты о тех трех неделях на базе? Хорошее знание! Помнишь, как ты тогда шлюпку сажать учился? «Леночка, мы почему-то слишком быстро снижаемся!» Повезло, что я успела управление перехватить, а то так бы и пришел шлюпке трындец с капремонтом.

Возразить было нечего, инцидент имел место быть. Но сдаваться Андрею не хотелось, а лучшая защита, как известно, это нападение. К тому же Белка, кажется, забыла о решении обидеться на «рутину».

– Между прочим, госпожа косморазведчица, ты в своем рассказе о Горгоне кое-что перепутала. Вы там были не двадцать три, а двадцать две недели, если на каждую точку высадки ровно неделю тратили, согласно инструкции.

– Ага, ты лучше меня знаешь! Наверное, это ты там по экваториальному плато лазил.

– Считаю сама. Первая высадка на южном полюсе. Затем архипелаг. Четыре высадки на полярные равнины. Два в прибрежных районах. Итого восемь. Семь высадок в горные районы. Четыре на экваторе. Итого еще одиннадцать.

– И что?

– И три в океанах. Получается двадцать две недели, элементарная арифметика.

– Стой, ты что-то пропустил. – Лена нахмурилась и начала сосредоточенно подсчитывать в уме. – Архипелаг считал?

– Разумеется.

– В горах... Да, не сходится. Это что ж, у меня старческий склероз начинается?

– Ладно, забудь, какая разница, позже вспомнишь.

Андрей не рад был, что затеял подсчеты. Попытался сменить тему разговора, но не тут-то было. Елена ни о чем другом больше и думать не хотела, раз за разом пересчитывала высадки, загибая пальцы. И наконец облегченно вздохнула:

– Северный магнитный полюс! Все правильно, двадцать три недели полевых исследований. Не путай меня.

– Я и виноват остался! Сама же забыла.

– Странно, но и правда, забыла. Это же наша последняя точка, Круминь почему-то решил на неделю задержаться... А, там какая-то аномалия была, он на снимках увидел и решил проверить. В районе магнитного полюса обнаружился кратер идеально круглой формы.

Леночка вновь повеселела, и Андрей успокоился. Спросил:

– И что там интересного, в этом кратере?

– Ничего, одни камни растрескавшиеся... – Лена замолчала. А закончила притихшим, каким-то осипшим голосом: – И «облако»...

Она вынула пальцы из ладони Андрея, засунула руки в карманы шорт, пошла вперед. Подивившись такой резкой смене настроения, Лесовской поинтересовался осторожно:

– Какое облако? Лена, что-нибудь случилось? Там, в этом кратере? Какие-то неприятности?

– Нет. Но странно – как я могла забыть? До старческого склероза вроде далеко. Что касается кратера, то ничего там экстраординарного не было, обычный метеоритный кратер. Но в центре его постоянно висело облако необычного цвета – алое, как артериальная кровь. Пробы показали, что это обычный туман – какие-то тектонические процессы, водяной пар сквозь разломы на поверхность просачивается и конденсируется. Что его в красный цвет окрашивает, мы определить не смогли. Да, еще в том месте – если смотреть с орбиты – видно, что кратер лежит в середине более темного, чем остальное плато, круга. И там, где круг касается горного хребта – прямо на границе, – тянется неглубокое ущелье. Мы его обследовали, но ничего не... – Она опять сбилась. Помолчала, затем выдавила едва слышно: – ...только в последний день.

Андрей насторожился. С Леночкой явно что-то происходило, что-то непонятное.

– Что – «в последний день»? – переспросил.

– В последний день я нашла... Там пещера была, я спускалась в нее на лебедке. Я там увидела... – Она растерянно посмотрела на него: – Черт, а что я там увидела? Потом Маслов начал кричать в шлемофон. У них что-то случилось в кратере...

– У вас было ЧП?!

– Нет, не ЧП. Закончили высадку, вернулись на корабль. Как обычно.

– А что же...

Под ногу Андрею попала шишка. Взглянув на нее мимоходом, он снова повернулся к Белке. И застыл, чувствуя, как противный холод пополз по коже. Елена смотрела куда-то остекленевшими от ужаса глазами. Представилось вдруг ни с того ни с сего, что не в земном домашнем лесу они стоят, в ста метрах от человеческого жилья, а на далекой таинственной Горгоне.

– Лена! Что с тобой?!

Он схватил ее за плечи, рванул к себе. Будто очнувшись, Коцюба взглянула на него, нетерпеливо высвободилась, развернулась и быстро пошла к пансионату.

– Да что стряслось?!

– Все нормально. Была обыкновенная высадка. Собрали оборудование и улетели. Все живы-здоровы, как видишь.

– А что ты увидела в пещере?

– Не было никакой пещеры! И вообще, давай больше не будем об этом! У меня голова раскалывается от твоих вопросов!

Лесовской не настаивал, шел молча сзади. Сбивчивый рассказ подруги и все, что сегодня случилось в лесу, ему очень не нравилось. Но он решил, что вернуться к этому разговору время еще будет. Он ошибался.

Иван Круминь. Горгона, объект «Кольцо», 211-й день экспедиции

Экспедиция заканчивалась. Как ни обидно, но удачной назвать ее язык не поворачивался. Возможно, кто-то другой прекратил бы изыскания после первой дюжины высадок, но Круминь был не «другой», его команда сделала все, что требуется от разведчиков. Карта поверхности, данные сейсмических, гравиметрических, магнитометрических исследований, химический состав атмосферы, океанической воды, горных пород. Конечно, если отбросить чисто прагматический подход, нашли они немало интересного. Но Круминь не питал иллюзий. Время, когда космические экспедиции будут снаряжаться ради удовлетворения научного любопытства, наступит не скоро. Пока человечество решало задачу куда более насущную: оно расширяло ареал обитания. И Горгона при всей своей интересности для колонизации не подходила ни по каким меркам. Да, в полярных областях можно построить закрытые города – вода, предсказуемый климат, отсутствие тектонической активности, позволяли сделать это быстро и недорого. Но чем займутся жители этих городов, за счет чего колония окупится? Разведэкспедиция не нашла месторождений, пригодных для промышленной разработки, ничего, сколь-нибудь полезного, – везде пустые кварциты. Пожалуй, такое однообразие – тоже одна из загадок Горгоны. Но кому такие загадки нужны? Круминь предвидел реакцию Совета по космическим исследованиям: категория «С». То бишь дальнейшие исследования отложены на неопределенный срок. Пустышка.

Оставалось утешать себя тем, что поставленную задачу экспедиция выполнила добросовестно. Очередная планетная система вычеркнута из списка потенциальных претендентов на колонизацию. Работа косморазведчиков в чем-то сродни работе древних старателей: приходится перемывать центнеры песка, чтобы выявить крупинку золота. А уж найти самородок, такой как Рияд, Сакура, Остин или Новая Европа, везет далеко не каждому. Командиру Круминю не повезло. Не нашел он за свою долгую карьеру звездолетчика ни одной землеподобной планеты. И пора на этом поставить точку. Написать рапорт, выйти в отставку, поселиться с Ярославой в ее большом, светлом, с атриумом и мраморной террасой, доме на берегу моря. Писать мемуары... и стареть потихоньку.

Экспедиция заканчивалась. Нужно было собрать экипаж, официально объявить о завершении работ на Горгоне, дать добро навигатору на подготовку к Маневру Перехода. Домой, на Землю.

Круминь сидел в рубке, просматривал сделанные с орбиты снимки планеты, сопоставлял их с картой. Проверял, не пропустили ли чего-то интересного. Не потому, что могли пропустить, а скорее, для очистки совести. Последняя его экспедиция, как-никак.

На экране проплыл северный океан. Здесь разбилась надежда Вероники найти какую-нибудь живность. Сам Круминь не верил в подобное после базальтовых плато и бесконечных равнин, засыпанных кварцевым щебнем. Но где-то в глубине души... Он мысленно хмыкнул: «Да, не получилось у вас лебединой песни, командир Круминь! Не заслужили, видать. Великий Дух Космоса, или кто там есть, не посчитал достойным».

Океан уплыл с экрана, узкая полоска побережья сменилась унылой рыжеватой равниной. Отдельные скалы, горная гряда, маленький кратер, снова равнина...

Стоп. Круминь очнулся от оупляющего однообразия снимков.

– Степан, ты видел?

– Что? – встрепенулся начавший дремать в своем кресле вахтенный.

– Глянь-ка на экран, ничего не замечаешь? – Круминь медленно прокрутил картинку назад.

– Чего там замечать? Пустыня, как везде на Горгоне.

– А ты смотри внимательно. Вокруг кратера.

Маслов помолчал с минуту, рассматривая изображение.

– Да, забавно.

На фоне рыжеватой пустыни еле заметным оттенком выделялось идеально круглое пятно с кратером в середине. А в центре пятна алела точка, будто след от укола.

– Ну-ка, какие у нас тут координаты? – Круминь наложил на снимок масштабную сетку. – Диаметр круга – тридцать четыре километра. Диаметр кратера – четырнадцать с половиной. И находится это «колечко» где-то в районе магнитного полюса... – Он добавил сетку магнитных линий: – Ого! Полюс прямо в этой точке и находится.

– Бывает же! Планетке метеоритом точно по кумполу заехали.

– Нет, Степа, я в такие меткие попадания верю с трудом.

Маслов покосился на командира.

– Так что, будем высаживаться?

Энтузиазма в голосе инженера не было ни капли. Устал, на Землю хочет. Все устали. А в этом «колечке», скорее всего, ничего интересного нет. Ну да не велика беда. Слетают, проверят, и домой.

Круминь включил общую связь:

– Просьба экипажу собраться в рубке.

Сказал и сообразил – наверняка люди решат, что он о завершении экспедиции объявить намерен. Поэтому добавил:

– Завтра начинаем исследовать новую точку. Координаты – северный магнитный полюс. Условное название – «Кольцо».

«Кольца», так хорошо различимого с орбиты, видно не было. Круминь сверился с картой: где-то здесь и должна проходить его внешняя граница. Но под брюхом шлюпки по-прежнему проносилась однообразно-бурая каменная пустыня.

– Ярослава, опусти шлюпку до двухсот метров и сбрось скорость.

Коцюба тут же высунулась из десантного отсека, заглянула поверх плеча командира на навигационную панель.

– И где же оно?

– Где-то под нами. Но увидеть «колечко» можно, выходит, только с орбиты. Странно.

Сегодня они прилетели на Горгону втроем. Для первой высадки на точку, особенно такую, от которой неизвестно чего ждать, много людей не нужно. Много людей – много суеты, много излишних слов, мешающих уловить главное. Сегодня Круминю нужно было профессиональное мнение планетолога. И мнение Ярославы – потому что точка была необычной.

Из-за близкого горизонта вынырнула зубчатая гряда кратера. Высота едва ли больше ста метров, Ярослава даже шлюпку поднимать не стала. А дальше, километрах в пяти, клубилось огромное алое облако. Сначала Круминь решил, что это дым. Но облако не рассеивалось, граница его, хоть и подвижная, была четко очерчена. Облако казалось вязким, клейким, тяжелым. Наверное, из-за того, что никак не могло оторваться от грунта.

– Вот она, наша «точечка», – пробормотал он. – Узнать бы, из чего эта штука состоит.

– Может, это пена? – тут же предположила Коцюба. – Жидкость и газ выбрасываются под давлением, перемешиваются, в итоге получается такая шапка пены. А цвет – из-за минеральных красителей, например, сульфид ртути.

– Хм... Ладно, выводы делать не будем. Ярослава, давай-ка к этой «пене», но не ближе, чем на триста метров.

Вблизи облако выглядело зловеще. Живая кроваво-красная стена в добрых полкилометра высотой.

– Неслабо, – восхищенно прошептала Коцюба.

– Возникает ощущение довольно плотной массы, – заметил Круминь. – Ярослава, поднимаемся выше и пробуем пролететь над этой штукой.

Сверху облако и вовсе выглядело твердым, застывшим.

– На какой высоте пройдем? – спросила Медведева.

– А какой у нас ветер за бортом?

– Штиль.

– Тогда поднимись выше.

На высоте около восьмисот метров штиль сменился легким юго-восточным ветром.

– Теперь пошли, – скомандовал Круминь.

Шлюпка медленно полетела над алой бугристой поверхностью.

– А давайте медленно-медленно попробуем на него сесть, – азартно предложила Коцюба. – Вдруг оно действительно затвердело?

– Вот не люблю я поспешных решений. – Иван отрицательно качнул головой. – Радаром прощупаем.

Самый простой в исполнении способ, к сожалению, не всегда действенный. Луч радара вошел в поверхность и исчез, не отразившись.

– Хочешь, чтобы мы поверили, что дна у тебя нет... – удивленно протянул Круминь. – А как ты выглядишь в инфракрасном свете?

Облако не выглядело никак. На экране инфраскопа была однородная по температуре поверхность равнины.

– Как тебе, Лена, такая «пена»? – Круминь повернулся к планетологу.

– Взять бы пробу для анализа.

– Завтра. Привезем киберов и будем пробовать. А пока летаем, посмотрим, что тут вокруг делается.

Они облетели по окружности кратер, потом внешнюю границу кольца, ориентируясь по карте. На юго-востоке кольцо упиралось в горную цепь. Вблизи это выглядело почти так же потрясающе, как «пенное облако». Будто вездеход задел колесом горку песка. Рыжая плоская равнина и рядом – грубо обрубленные, почти вертикальные скалы. Только ведь не из песка скалы сложены – гранитные монолиты... А между скалами и равниной вытянулось короткой дугой ущелье. Медведева провела шлюпку вдоль него насквозь. Луч прожектора выхватывал из густых сумерек отвесные склоны, оползни, нагромождения щебня, причудливые обломки каменных плит. Но ничего, заслуживающего внимания, они не увидели. И когда шлюпка дважды облетела по внешнему периметру «кольца», Коцюба не выдержала:

– Командир, мы садиться будем?

Круминь помедлил с ответом. Ох как не хотелось ему садиться здесь, на этом неразличимом темном пятне! Но садиться все равно надо. И начинать работать.

Виктор Коновалец. Земля, Киев, 28 июля

Надпись на пачке гласила: «Вареники з сиром та родзинками». Надпись врала. Вареников, любимых его вареников с творогом и изюмом, в пачке не было. Ни одного. Хотя, если бы один и оставался – завалился на самом доньшке, – пользы от этого не прибавилось бы. Одним вареником сыт не будешь. Виктор выудил пустую пачку из холодильника, повертел в руке. Скомкал, отправил в мусоросборник. Поступить так следовало еще вчера, но он был слишком занят своими мыслями, сосредоточен, потому и вернул опустевшую упаковку на привычное место. Хорошо хоть такую же пустую тару из-под сметаны выбросил.

Он скрупулезно оглядел содержимое холодильника. Полка, еще полка, еще одна. Присел, выдвинул по очереди лотки. В нижнем нашелся контейнер из-под яиц. Пустой. Кроме полок, лотков и контейнера в холодильнике не было ничего. И означало это, что планы на после обеда придется отложить. Потому как и обед откладывался на после похода в супермаркет.

Разумеется, можно было позвонить в службу доставки. Девушка с приятным голосом и застенчивым взглядом примет заказ, уточнит, переспросит, поблагодарит. И через пятнадцать минут киберразносчик оставит под дверью корзину с... совсем не с теми продуктами, которые он заказывал. И бесполезно спорить, убеждать, кричать. Девушка с приятным голосом и застенчивым взглядом будет сокрушаться, кивать... и уверять, что доставленные вареники вовсе не хуже, но гораздо лучше тех, которые он заказал, а сметана обогащена специальным минерально-витаминным комплексом, необходимым человеку, так много времени проводящему в космосе. Она всего лишь вирт-бот, ее так запрограммировали – блюсти прежде всего интересы оптовых поставщиков, вкладывающих деньги в службу доставки, и только потом – интересы конечного потребителя. Да, если проявить должную настойчивость, то на третий-четвертый раз тебе доставят именно то, что ты заказал. Но сколько же сил, а главное – времени на это угробится! Виктор предпочитал закупать продовольствие сам, в ближайшем супермаркете.

Впрочем, идти далеко ему не требовалось, супермаркет находился в соседнем квартале, как раз напротив дома-музея Витольда Мережа. Триста семьдесят шагов от подъезда, затем повернуть направо, еще сто тридцать шагов, налево, по пешеходному переходу, и упрешься прямо в ступени супермаркета. Виктор помнил этот алгоритм наизусть и мог проделывать автоматически, не подключая сознания, – экономил время.

Основоположник космонавигации со своего пьедестала снисходительно поглядывал на земляка, шагающего вдоль длинной, алеющей розами клумбы. Основоположник мог позволить себе быть снисходительным – свою безумную идею он доказал.

Триста семьдесят шагов были отсчитаны. Бронзовый Мереж удивленно приподнял брови. Насторожился. Его широкий, размашистый жест сделался предупреждающим. Коновалец не видел этого. Не смотрел на знаменитого земляка – он с головой погрузился в собственный микрокосмос...

Громкий визг тормозов впился в уши, в мозг. Выдернул Виктора из мыслительной лаборатории. Заставил оглянуться... Оглянуться он не успел. Его ударили. В левый бок, по ребрам. Больно. И сильно. Очень сильно – внутри отчетливо хрустнуло. На мгновение весь мир – дома, облака, деревья, серый каплевидный капот – завертелся перед глазами. А потом Виктор понял, что лежит, и прямо в нос ему тычется обломанное соцветие розы, колючее и ароматное. Второй куст он с размаху проутюжил спиной и тем, что пониже спины.

Несколько секунд было тихо. Затем в тишину прорвались шум останавливающихся и стучащих распахивающимися дверцами машин, испуганный гул человеческих голосов. Виктор почти сразу сообразил, что случилось. Его сбили. Алгоритм, опробованный сотни раз, дал осечку. Вместо того чтобы повернуть направо, к переходу, он сразу же пошел через дорогу. Досадно.

– Вы... Вы живы?

Белые облака, медленно плывущие по небу, заслонило встревоженное женское лицо.

– Фух... счастье какое, что вы живы. Я боялась, что вы...

Виктору стало неловко: по его ведь вине случилась авария.

– Извините, – смущенно улыбнулся он. – Я не хотел. Это нечаянно получилось.

– Не разговаривайте! И не двигайтесь, вам вредно. Сейчас я неотложку вызову.

Женщина была чем-то похожа на его маму – такая же добрая и мнительная. Виктор сел. Женщина, успевшая достать визифон из сумочки, нервно сглотнула.

– В-вы... вам помочь? До больницы...

– Нет, я в супермаркет иду. У меня вареники кончились. И сметана. Не знаете, «Ласунка» сегодня есть в продаже?

Спросил и смутился еще сильнее. Откуда ей знать? Она же совсем с другой стороны ехала, не от супермаркета.

Виктор встал, отряхнулся. Сзади явно что-то было не так. Кривясь от ноющей боли в ребрах, он повернул голову. Худшие опасения подтвердились – рубашка на спине превратилась в клочья, да и кровью была перемазана. Рубашку не жалко, он сам купил ее в прошлом году. А вот брюки, новенькие, подаренные всего неделю назад мамой, какие-то специальные, очень модные брюки, было жаль. Они хоть пострадали и не так сильно, как рубаха, но для носки больше не годились. Огромная прореха обнажала чуть ли не половину его левой ягодицы.

Какое-то время Виктор колебался – пристойно ли в таком виде идти в супермаркет? Может, лучше вернуться домой и переодеться? Но это снова трата времени! Он уже проделал половину пути, значит, если идти переодеваться, то дорога удлинится на пятьдесят процентов. И вдобавок время на переодевание!

Рассудив, что супермаркет – не театр, и киберпродавцам индифферентно, как одеты покупатели, Виктор выбрался с клумбы на тротуар и повернул в сторону пешеходного перехода.

– Э-э-э...

Он оглянулся на звук. Женщина теперь сидела на бордюре между дорогой и клумбой. Несколько человек, выскочивших из остановившихся машин, стояли поодаль. Все они смотрели на него, и у всех были удивительно круглые, большие глаза. Даже у бронзового Витольда Мережа.

– Э-э-э...

Рот женщины начал открываться. Виктор подумал, что она собирается о чем-то спросить, но челюсть достигла крайне нижнего положения и остановилась. Он еще раз извинился за невнимательность и отправился покупать вареники.

Степан Маслов. Земля, Санкт-Петербург, 28 июля

Степан провел ладонью над алой полоской сенсор-панели, затем – над желтой. Горячие струи, бившие со всех сторон, тут же оборвались, отмытое, покрасневшее тело начали обволакивать волны теплого воздуха. Маслов зажмурился от удовольствия, развел в стороны руки, помогая сушить себя.

Через минуту от влаги в душевой кабине не осталось и следа. Степан шагнул на подогретый кафель, потянулся за халатом. И остановился, зацепившись взглядом за свое отражение в зеркале. Из зеркала смотрел высокий, прекрасно сложенный мужчина в самом рассвете лет. Красавец, северная версия Аполлона.

Красавец в зеркале улыбнулся. Степан улыбнулся ему в ответ: был бы женщиной, влюбился бы, как есть влюбился.

– Степушка, ты скоро? Я соскучилась... – донеслось из спальни приглушенное плотно закрытой дверью воркование.

– Иду, кисонька!

С места он однако не сдвинулся, продолжал любоваться. Куда спешить? «Кися» не убежит.

Сегодняшний вечер Маслов отвел на Игру, а завтра надо приниматься за дело. Узнать, какие экипажи сейчас на Земле – в отпуске или на тренировочных сборах, – и чье прибытие ожидается в ближайшее время. Пора выбирать себе новый корабль и писать рапорт. Хорошо бы на «Беллинсгаузена», где год назад командиром стала Василина Скурките. Дама весьма и весьма аппетитная, а главное – пока не «опробованная».

Мелькнула мысль, что с таким командиром и «корабельную семью» организовать можно, по примеру Круминя. А что, правильно мужик устроился: хороший регулярный секс полезен, особенно после пятидесяти. Конечно, жену Круминь выбрал не очень удачную. Черты лица слишком резкие и крупные, телосложение далеко от «золотой пропорции». Если сзади смотреть, не сразу и разберешь, мужик или баба. Не красавица пилот «Колумба», это точно. Так и сам Круминь внешностью блеснуть не может, ростом так и вовсе не удался. То ли дело Степан! Вот у него будет выбор, так выбор. Та же Василина ни в какое сравнение с Медведевой не идет. С ней не зазорно под ручку по бульвару продефилировать...

Он прогнал глупую мысль. Молодой еще, чтоб о жене думать! Ближайшие десять лет покурлесить можно – столько женщин вокруг. Даже на космофлоте не до всех пока добрался!

Степан постарался представить командира Скурките в интимной обстановке. Например, в душевой кабинке корабля. Такой узкой, что если вдвоем туда войти, то тесно будет. Но можно, проверено. Подтянутая, мускулистая Василина, мокрая, покрасневшая после душа, представлялась весьма соблазнительной. Но... что-то было не так. С полминуты Степан размышлял – что не так в яркой, отчетливой картинке? Голой он Скурките не видел, но опыт позволял без труда дорисовать недостающие подробности. Затем, поняв, боязливо скосил глаза вниз.

С Василиной все было в порядке. А вот его естество, всегда надежным барометром измерявшее привлекательность женщин, в данном случае оставалось на нулевой отметке.

– Это как понять? – спросил он строго.

Разумеется, «естество» ответить не могло, приходилось самому выдвигать гипотезы. Чего-то отвратного в облике командира «Беллинсгаузена» Маслов не замечал, эта версия отпала. Неужто вообще перестали интересовать зрелые дамы? Нехорошо.

– Степушка, ты где?

– Иду, кися, иду.

Он хмуро снял халат с вешалки, набросил на плечи. Ладно, так, значит так. Займемся старлетками. Типа той, что ноет из спальни.

Белокурая, длинноволосая и длинноногая «кися» возлежала на его широкой тахте. Пока хозяин принимал душ, она успела избавиться от лишней одежды и теперь тоже походила на греческую богиню. Увидев своего долгожданного Аполлона, улыбнулась:

– Степушка, иди скорее. Там такое показывают...

Она игриво кивнула на экран ти-ви, занимающий добрую половину стены. Маслов взглянул мельком, улыбнулся. Комедия для взрослых – кодированный канал. Остановившаяся в гостинице, он всегда просил подключить. Незаменимая штука! Девяносто девять процентов женщин – включая тех, кто в этом не признается, – «заводится», наблюдая со стороны... нет, не сам процесс! Это как раз рассчитано на мужчин. Подготовку к процессу. Так что просмотр подобной киношки позволял сократить прелюдию, рационально использовать время и силы.

Степан позволил шелковому халату соскользнуть на пол. Сделал шаг, еще. Медленно, неторопливо. Девушка приподнялась навстречу. Судя по блеску в глазах, по напрягшимся шишечкам сосков, по тому, как розовый язычок облизывал губы, долгой подготовки ей не требовалось.

Взгляд девушки опустился ниже, остановился выжидающе. Степан знал, куда она смотрит и чего она ждет. «Кися» была сногшибательно красива, ее поза, ее жесты, голос, могли соблазнить любого. Но «барометр» считал иначе.

Ох, как блондинка старалась! Какие чудеса изобретательности и трудолюбия демонстрировала! Но задолго до того, как «кися» опустила руки, и в прямом и в переносном смысле, Степан понял – бесполезно. Он был не смущен, не обескуражен – испуган. Никогда прежде не случалось с ним такого постыдного конфуза. Главное – непонятно из-за чего!

– Степушка, ты не переживай, – смущенно упрашивала блондинка. – Это не страшно, с каждым может случиться. Ты, наверное, устал в экспедиции, а силы восстановить не успел. Давай посним, а утром все будет хорошо. Утром у мужчин всегда лучше получается.

Да, утром лучше... Степан не возражал. Что он мог возразить? Оставалось надеяться, что блондинка права. И они легли спать.

– А-а-а!

Степана подбросило от истошного, душераздирающего вопля. И тут же в комнате вспыхнул свет. Он растерянно уставился на девушку, забившуюся в самый дальний угол. Хотел спросить, что случилось, и не смог. «Кися» не только орала. Она тарасилась округлившимися от ужаса глазами на их кровать. И это было так жутко, что у Степана волосы зашевелились на затылке. Там, за его спиной...

С минуту он сидел неподвижно, уверенный, что сейчас нечто неведомое схватит его за горло, обрушится на голову, вцепится в спину.

Девушка захлебнулась криком, закашлялась. И Степан, зажав в кулак всю свою волю, медленно обернулся. За спиной было пусто, только смятая простыня в углу кровати. Полные ужаса глаза девушки смотрели на него.

Вероника Пристинская. Земля, Львов, 28 июля

Вероника склонилась к кровати дочери. Шелковистые локоны разметались по подушке, среди звездочек и комет, и сами казались золотыми протуберанцами на темной синеве наволочки.

- Спокойной ночи, Мышонок.
- Спокойной ночи... Ма! А мы правда завтра пойдем на карусели?
- Конечно, правда.
- И бабушка с дедушкой пойдут?
- Да.

Карусель в Луна-парке – самое раннее ее детское воспоминание. Смех отца – тогда еще не ректора университета, испуганно-радостный визг мамы – тогда еще не знаменитого на всю Евроссию микробиолога. Четверть века назад ее родители были так молоды – чуть старше нее нынешней. И так любили друг друга, и своего Мышонка-Нику. А каким останется самое раннее воспоминание ее Мышонка-Леночки?

Год назад, вернувшись из своей первой звездной, она жутко боялась, что дочь ее не узнает. И в этом году боялась...

Родители не сказали ни слова, когда она решила вернуться к полученной в академии специальности. Они профессиональные ученые, наука для них была превыше всего. Они считали, что понимают ее... Ничего они не понимают! Никто не понимает.

Ее «незапланированная» беременность, скоростное замужество многих удивили в свое время. Но объяснение нашлось быстро: женщина молодая, девчонка почти, влюбилась, голова закружилась. Влюбилась... Только вовсе не в Филиппа! Когда она поняла, что Коцюба навсегда останется только подругой, единственное, что смогла придумать, – родить собственную Леночку, которую никто не помешает любить. И которая ее полюбит! А муж – нужен ведь донор спермы? Умный, талантливый, красивый – дочь профессора генетики кое-что смыслила в наследственности и скрещивании.

С Леночкой-маленькой Вероника рассчитала все верно: дочь росла именно такой, как хотелось. Но... оказывается, если любишь двоих людей одинаково сильно, любовь эта не уравновешивает сердце. Она рвет его пополам! И теперь она металась между Леной-большой и Леночкой-маленькой и не знала, как быть.

- Ма, а потом ты опять улетишь на свою звездочку?

Вероника вздрогнула.

- А ты не хочешь, чтобы я улетала?

Девочка энергично замотала головой, и золотистые протуберанцы вспыхнули солнечной короной. Вероника решила.

- Тогда я останусь с тобой. Ты моя самая лучшая звездочка.

- Я Мышонок, а не звездочка, – тут же возразила та.

- Правильно, Мышонок. Спи.

Она еще раз поцеловала дочь. Уменьшила яркость ночника, тихонько пошла к своему дивану, легла. Вот так – завтра отправить рапорт в управление, и готово. Уговаривать остаться ее не будут. Тоже мне, косморазведчица выискалась! Да на ее место вмиг сотню претендентов найдут. И пусть себе летают. А она останется дома. Устроится к маме в лабораторию или преподавать в университете. Это она позже решит. В любом случае, она каждый день будет рядом с Мышонком, с Леночкой-маленькой... И потеряет навсегда Лену-большую.

Потеряет? Чтобы терять, нужно иметь.

- Мама... Мамочка...

Кровавое облако наваливалось на нее всей своей многометровой громадой, душило, но она не сдавалась, карабкалась, протискивалась сквозь его вязкую толщу.

– Мамочка!..

Сил не было никаких. Вероника стиснула зубы, упрямо рванулась вперед. Туда, где отчаянно звал ее Мышонок...

Наконец получилось разлепить веки. И почти в тот же миг в комнате вспыхнул свет, заставив на секунду снова зажмуриться. Вероника с трудом перевела дыхание, села.

В распахнутой настежь двери застыли родители, а рядом с диваном стояла Мышонок, одной рукой дергала за рукав маминой пижамы, другой терла зареванные глаза.

– Что... Что случилось?!

– Леночка кричала...

Вероника схватила дочь за руки.

– Маленькая моя, что такое?

– Мама, не умирай, пожалуйста!

Похолодев от ужаса, Вероника соскользнула на пол, на колени. Прижала к себе дочь.

– Что ты такое говоришь?! Тебе приснилось что-то нехорошее?

– Не приснилось...

Леночка проснулась посреди ночи оттого, что хотелось пить. Сначала думала – похочется и перехочется. Затем – что хорошо бы пойти в столовую и выпить водички или сока. Она ведь уже не маленькая, ей целых пять лет исполнилось! Но в столовую нужно спускаться по темной длинной лестнице. Нет, Леночка не боялась темноты. Но бабушка не разрешает ночью ходить по лестнице, потому что можно упасть. Если бы с мамой...

Будить маму Леночка не хотела. Вдруг мама обидится, передумает и улетит на свою звездочку? Так и лежала, мучилась жаждой и боязнью обидеть маму.

А потом Леночке показалось, что в комнате не один ее ночник горит. Еще что-то светится – там, возле маминого дивана. Что, если мама не спит, светит зачем-то фонариком? Позвать? Но позвать – это значило разбудить.

Леночка осторожно слезла с кровати. Тихонько, на цыпочках, пошла к дивану. Она не станет будить, только посмотрит, спит мама или нет...

Это не фонарик горел. Мама, странно неподвижная, непохожая на себя, чужая, – светилась! Леночке стало страшно. Позвала, сначала тихо, затем во весь голос:

– Мама... Мама!

Мама не шевельнулась. Леночка осторожно коснулась ее руки. Холодной и твердой, будто сделанной из камня. Леночка никогда не была трусихой. Но сейчас она испугалась, сильно, по-настоящему. Не за себя испугалась – за маму. И закричала:

– Мамочка!

Через полчаса Лену успокоили общими усилиями, уложили спать. А взрослые собрались внизу, в столовой. Бабушка капала валерьянку для перенервничавшего дедушки и размышляла вслух:

– Не нравится мне этот сон. Ох неспроста он. Может, стоит психоаналитику ребенка показать?

Она волновалась за внучку. И дедушка волновался. А Вероника...

– Мама, не сгущай краски. Ничего страшного не случилось ведь? Перерастет.

– Не знаю, не знаю. Ты, конечно, мать, решать тебе, но я бы задумалась.

Вероника и задумалась. Только что пережитый кошмар, странная слабость. И сны – тот, трехнедельной давности, в лунном челноке, и сегодняшней. Все выстраивалось в один ряд. Не с Мышонком происходило что-то нехорошее – с ней!

Горгона добралась-таки до нее. Или никогда не отпускала?

Иван Круминь. Горгона, объект «Кольцо», 217-й день экспедиции

Экспедиция заканчивалась. Теперь окончательно и наверняка. Последняя серия полевых изысканий почти ничего не добавила к отчету. Кратер оказался обычной грядой гранитных скал, каменные россыпи внутри темного круга были такими же кварцем и полевым шпатом, что и за его пределами, спуск на дно ущелья не дал новых результатов. И сейсмограммы показывали, что «кольца» и нет никакого – заурядный участок полярного щита. Никаких тайн, никаких загадок.

Разве что «облако» стояло особняком в этом ряду. Объяснить его природу не получилось, странное вышло с забором проб. Киберзонд уверенно погрузился в клубящуюся массу, не оставив следа на ее поверхности, и связь с ним тут же прервалась. Круминь мысленно простился с автоматом, но минут через пятнадцать тот выкатил обратно, вполне исправный и управляемый. Исправный-то исправный, однако во время «прогулки» кибера внутри облака ни с одного датчика сигналы не записывались, а пробосборники оказались доверху заполнены дистиллированной водой необычного изотопного состава, но без малейших следов красителя. Облако будто издевалось: хотите – верьте, что я из водяного пара состою, хотите – нет. Коцюба верила и рвалась заглянуть за алую завесу. Круминь не верил и не пустил. Скрывалось за всеми этими находками что-то неправильное, необъяснимое. И не только объект «Кольцо» был неправильным – вся планета.

Приказ о завершении экспедиции экипаж выслушал с облегчением. Устали люди, вымотались за двадцать три недели полевых изысканий. Последняя, сверхплановая серия особенно тяжело далась. Вроде бы и не происходило ничего необычного, но алая стена, маячащая на горизонте, давила на психику. Даже Коцюба не возражала, что изыскания пора сворачивать. Смирилась с тем, что разгадать загадку этой планеты с наскока не получится. В конце концов, пусть ученые на Земле головы сушат. Они у них большие, много ума вмещают. Для разведэкспедиции задерживаться на Горгоне смысла не было.

И лишь в глазах Ярославы Круминь увидел вопрос. Но на него ответить он мог только наедине. Если вообще мог ответить.

Он зашел в кабину пилота, когда по корабельным часам был поздний вечер. Молча присел на кушетку. Ярослава стояла спиной к двери, расчесывала волосы. Спросила, не оборачиваясь:

– Значит, завтра последний день?

– Да, завтра сворачиваем лагерь и уходим с орбиты.

– И каково твое мнение обо всем там, внизу?

Круминь помедлил.

– Оно покажется странным, мое мнение.

– Боишься высказать? – Ярослава закончила с волосами, связала их в хвост и присела рядом. – Помочь? Ты думаешь, что объект «Кольцо» искусственного происхождения.

Вместо ответа он тихонько погладил ее сильную и нежную руку.

– Слава, я хочу, чтобы ты завтра осталась на корабле.

– Боишься, что завтра что-то случится? Ты думаешь, что если там в самом деле что-то есть, то сможем ли мы уйти так легко? Отпустят ли нас?

Она вслух говорила то, что Круминь не решался произнести даже мысленно. Поморщившись, он качнул головой:

– Зачем так категорично? Приборы не фиксируют никаких отклонений...

– Приборы – это костыли для наших органов чувств. Человек – самый точный прибор.

– Так что, бросить лагерь и улетать сегодня?

Ярослава заглянула ему в глаза. Два ярких, теплых солнца.

– Я не знаю, Ваня. Я не знаю, что должно произойти. И поэтому тоже боюсь.

Он обнял ее за плечи, притянул к себе.

– Слава, оставайся на корабле. Я обещаю вернуться и никого не потерять внизу. Но если завтра что-то случится... Тогда мне останется надеяться только на тебя.

Елена Коцюба. Земля, пансионат «Сосны», 30 июля

Лена проснулась резко, как от удара. Села в постели. В коттедже было темно, светящийся циферблат часов показывал час сорок две. Андрей мирно посапывал рядом, вокруг были знакомые, земные вещи: подушка, одеяло, кровать, тумбочка, часы. В глубине комнаты угадывались шкаф, столик с лежащим на нем компом, стул, тиви-панель на стене. За окном поблескивало серебристой лунной дорожкой озеро. «Все хорошо. Я дома, я на Земле». – эта мысль почему-то оказалась хрупкой и ненадежной, как соломинка, за которую хватается утопающий. «Все хорошо. А то был всего лишь сон. Ночной кошмар».

Нет, обманывать себя бесполезно. Она вспомнила *это* вчера в лесу, и тогда она не спала. Теперь оно вторглось в сон яркими, отчетливыми до мельчайших подробностей картинками...

Пологие склоны кратера проносятся под днищем шлюпки. Надвигающаяся стена жутковато-алой пены. Три изломанные фигурки в скафандрах лежат на камнях, среди разбросанного оборудования. Изображение наплывает, приближается. Самая маленькая фигурка прямо перед глазами. Она упала на спину, голова запрокинулась назад, свесилась с камня. Сквозь прозрачный щиток гермошлема видны короткие светлые волосы, закушенные губы, темная струйка, бегущая из уголка рта вверх по щеке, к виску. А в широко распахнутых серых глазах – такая боль...

Холод заставил очнуться. Холод и мерзкая, не унимающаяся дрожь. Пижаму бы в самый раз... Нечего и мечтать! Уже и не вспомнить, когда у нее в последний раз была пижама: «Я закаленная!» Лена приподнялась, дотянулась до стула, нащупала Андрееву майку. Все лучше, чем ничего. Натянула, забралась с головой под одеяло.

«Что же я вспомнила? Не было такого! А что было?» Она постаралась с подробностями прокрутить в памяти завершение экспедиции.

Последний день на орбите Горгоны. Суматоха, как обычно... Дальше! Они в стасис-отсеке. Последний дружеский поцелуй, и Вероника закрывает за собой люк... Дальше! Они в пространстве Земли, проверяют отчеты, упаковывают личные вещи. Ника прыгает как маленькая от радости – по видеосвязи говорила со своим Мышонком. Ждет не дожидается, когда сможет подхватить дочь на руки... Дальше! Орбитальный док, санитарный патруль... Дальше! Лунная база, карантин. Две недели безделья и ежедневных медицинских процедур... Дальше! Лунный челнок, космовокзал, довольное до безобразия лицо Андрея. Ника, убегающая к вагончикам монорельса. Живая и здоровая. «Пока! До встречи!»

Все правильно, именно так и было. Как же это стыкуется с тем, что она вспомнила? И вновь – удар изнутри. Запрокинутое застывшее лицо, темная струйка, широко распахнутые глаза. Остановившиеся, невидящие... Мертвые.

Елена куснула щеку. Стоп, нельзя давать волю эмоциям, нужно сосредоточиться. Итак, последний день на Горгоне. Их пятеро: она, Круминь, Вероника, Медведева и Коновалец. Командир торопится, хочет быстрее разобрать оборудование и вернуться на корабль. Пока шлюпка снижается, распределяет обязанности. Пристинская, Маслов и Коновалец... А откуда там Маслов? У него ведь вахта на корабле, в паре с Булановым. Он всю неделю встречал и провожал их с кислой миной. Нет, все правильно, в последний день Круминь взял Маслова вместо Медведевой. Здесь все в порядке, это она помнит отлично. Пристинская, Маслов и Коновалец остаются демонтировать лагерь в кратере. А они с командиром летят за сейсмодатчиками к ущелью. Круминь аккуратно сажает шлюпку на дно. Они собрали приборы, загрузили их и...

Нет, медленнее, в ущелье что-то случилось. Конечно, она сильно дернула крепление, каменная крошка посыпалась и вдруг отвалилась целая плита. Елена успела отскочить, но Круминь все равно ругался. А на месте плиты открылась расщелина. Она спустилась вниз на

лебедке. Отверстие было узкое, еле протиснулась, но за ним начиналась настоящая пещера. А на дне...

Что бы там она ни нашла, вспомнить это не удавалось. Хуже – Лена знала со стопроцентной точностью, что никакой пещеры она не находила. Ни в одном отчете пещера в районе объекта «Кольцо» не упоминалась.

От напряжения начала болеть голова. Ладно, черт с ней, с пещерой. Крутим дальше.

Голос Маслова в динамиках: «Командир, давайте скорее сюда!» – «Что случилось?!» – «Не знаю... плохо... Скорее!» Рывок лебедки, полет на предельной скорости к кратеру, попытки вызвать хоть кого-нибудь из группы Вероники. Тишина в шлемофоне. Склоны кратера под днищем шлюпки, неожиданно близкая стена пенной шапки...

Стоп! – оборвала она себя. Остальное вспоминать не нужно. Это она проходила, это и так всю жизнь стоять перед глазами будет. Попробуем зайти с другой стороны. Должен же где-то быть этот чертов разрыв, нестыковка воспоминаний.

Итак, последний день на орбите... Раньше! Утро, она просыпается у себя в каюте, натягивает шорты, идет в душ... Раньше! Вечер, Ника уходит к себе: «Пойду, хоть нормально выплещусь. Завтра спать в стасисе, а для меня это одни мученья»... Раньше! Вероника стягивает гермошлем: «Неужели закончили? Прямо не верится. Я, по правде говоря, подустала»... Раньше! Громада «Колумба» надвигается на шлюпку. Круминь направляет машину в створ внешнего шлюза. Вероника на заднем кресле, улыбается и украдкой показывает язык... Раньше!.. Бах! Вспышка, запрокинутое лицо...

Вот она, эта точка, в которой не действуют причинно-следственные связи, в которой воспоминания будто склеены. Склеены наспех, небрежно. И никаких чрезвычайных происшествий. Вообще никаких происшествий за всю экспедицию! Что же это такое?!

В памяти всплыло слово – «шизофрения». Оно было земным, домашним. Лена повертела слово на языке, перекатывая его из стороны в сторону. «Шизофрения. Самая обыкновенная шизофрения, с кем не бывает? Разумеется, в экспедиции больше ходить не придется, из космофлота спишут вчистую. Жалко... Ну и пусть! Зато буду с Андреем всегда рядом. Ника станет в гости приезжать во время отпуска – как я к ней когда-то. Как она там говорила? Ребеночка? Рожу ребеночка. Ничего страшного, подумаешь, шизофрения. Крыша немного поехала».

Слово было не страшное. Но не хотело оно подходить по размеру к ее склеенным воспоминаниям. А подходило что-то совсем другое, чему не было названия, а только маленькая закорючка. Буквочка, «сигма». Откуда взялась эта буквочка? Ну да, разумеется. Когда-то давно, еще в академии, Вероника рассказывала о своей работе на Лунной базе. Сектор «сигма» – там изолировали космонавтов с неизвестными земной медицине болезнями. Часто – навсегда.

Как же такое могло произойти? В памяти всплыла громада алого пенооблака. Радовалась как девчонка, когда кибер дистиллированную воду оттуда привез, чуть ли не язык Круминю показывала. А ты, подруга, меры предосторожности соблюдала, когда анализ этой водички проводила? Не тогда ли и подцепила какую-то гадость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.